

**АННА
БЕЛЯЕВА**

СНАЧАЛА
БЫЛО...

Анна Беляева

Сначала было...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68853678

SelfPub; 2023

Аннотация

Стихи разных лет. От подростковой лирики до сегодняшнего дня. О любви, поисках и обретениях.

Содержание

Ты мне совсем чужой...	13
Ничего мне от тебя не нужно...	14
Никаких печальных историй...	15
И ты меня не любишь, и я тебя не очень...	16
На перекрестке двух дорог	17
Приходи прочитать мое имя...	18
Я прошу, не гневи ты Бога...	19
Мне бы с тобой помолчать...	20
Знаю только, что раз в три дня...	21
Я буду, кем ты захочешь...	22
Часть тебя навсегда в этом небе останется...	23
Нет у меня ничего ни надежды, ни веры...	24
О чем-то молится Иуда...	25
Вот осень догорит пожаром...	26
Сегодня холодно, даже в комнатах...	27
Обещаний ничтожества...	28
Рыжий котенок лижет лапки...	30
Двустигшие	31
В воздухе рыжем, туманом закутанном...	32
Тени и ночи, бессонницы сумрак...	33
Детство незаметно отлетело...	34
Когда снимают с креста...	35
Сколько нас таких, потерянных...	36

Случайная встреча	37
Кружится льдинка на лезвии остром...	39
Не нужно слов...	40
Останется море, останется небо...	41
Когда я совсем одна, и сердце устало биться...	42
И плакать не могу...	43
Мне, знаешь ли, нравятся Воланды...	44
Вверх по лестнице, ведущей вниз	45
Не так уж страшно здесь	46
Я не знаю	47
Так случилось...	48
Ничего мне не надо...	49
Пусть все будет как будет...	50
Мы все похожи...	51
Я искала Бога у чужого порога...	52
Между кожей твоей и кожей моей...	53
Мы слишком близко, опасно рядом...	54
Можно долго смотреть на небо...	55
До снега совсем немного...	56
Оцты и дети – вечные сюжеты	57
Встречи	58
Осенние размышлязмы	59
Давай поговорим...	60
Приглашение к жизни	62
Не согреть тебя дыханием. Ведь не птица...	63
Ты всего лишь знакомый...	64

Мы с тобою два разных эха...	65
Я с тобою не расстаюсь...	66
Рядом с тобой	67
Я тут подумала...	68
Поговорим о странностях	69
Все уже случилось. Не поправить	70
Губами к твоей душе...	71
Приезжай. Еще раз поговорим...	72
Вечность	73
Недо-...	74
Сшейте наряд моему любимому...	75
Я в тебя заглядываю	76
Мы с тобой сумасшедшие боги...	77
Может быть, и не любовь все это...	78
Ему нравится	79
Время пришло прервать и это знакомство...	80
За секунду до	81
Холодные души на крест не всходят...	82
Седеют мне самые близкие люди...	83
Эта женщина тоскует, эта женщина болеет...	84
К черту всё!!	85
Никому мы, в общем, не нужны...	86
Нет, я не страну свою люблю...	87
Танго ангела	88
Зимний ветер играет терновником... женская версия	89

Ночь, улица, фонарь, ларек...	91
Чужой день рождения	92
Может, лишь потому и рядом...	93
И вот напишутся монологи...	94
О, жизнь без прошлого и завтрашнего дня...	95
Еще год	97
Яблочные размышления	98
Последний разговор по мотивам Мастера и Маргариты	99
Мыслестрочия	100
А на перстне царя Соломона...	101
Посмотри на меня и послушай	103
Человек играет	104
Тает тихо слеза предпоследнего снега...	105
Треугольник	106
Я возьму твою руку...	107
Вот и все	108
Бог хромой нахромал мне тропку...	109
Мне в Царствие Божье, как в ушко иголки...	110
Пройти по гравиию слов...	111
Что не сказано, и не скажется...	112
Одна ночь	113
Они оба пьяны...	114
Кажется	115
Он не пьет вина и не встречается с женщинами...	116

А она грешила и каялась...	117
Беру таблетку. Написано – счастье...	118
Ссылаясь на Блока	119
Сусальный ангел	120
И попржнему слепа Луна...	121
Звезды	122
Ты звонишь между двумя сигаретами...	123
Мне хочется тебя и немоты...	124
В кровавой Мэри уже больше Мэри чем крови...	125
У города нынче сезон дождей...	126
Все на свете проходит...	127
Ничего, ничего не теряется...	128
Аллюзии и реминисценции	129
Так уж вышло изъян души...	130
Вот и лето сгорело в зареве...	131
Постоим рядом, проживем обще...	132
Он не вернется	133
Перекресток	134
Горизонтальные танцы	135
Еще немного. шаг до безумья...	136
Только эта ночь и эти звезды...	137
На блюзовой мелодии из сна...	138
Тело в тело, губы в губы...	139
С закатом	140
Тек алый сок по розовым губам...	141
Ночь	142

Телесное	143
Пальцы твои, нежные, теплые, томные...	144
Два дыхания становятся одним...	145
Ее круглые плечи, ее белые груди...	146
Я тебя не хочу обидеть и поэтому...	147
Прилетают серые птицы...	148
Всякая смерть проходит...	149
И не секрет, и каждому известно...	150
Болею...	151
Как с рыси на галоп сбоящий конь...	152
Лед-9	153
Дыши, смотри в глаза мне и слушай...	154
И кто-то мне скажет Здравствуй...	155
Не верю... не помню.. не знаю...	156
Я докурю последнюю сигарету...	157
Меняю	158
Со спины	159
Выкатится солнце на ладонь...	160
Скрипка	161
А у этой дамы сентябрящей...	162
Я помню этот странный, горький вкус...	163
От запретных страстей слишком тяжек похмельный рассвет	164
Зимнее лимонное	165
Сокровенность ночи	166
Утро	167

Вечер небытия	168
Алые паруса	170
Игра в бисер	171
Ремесло	172
Междомыслие	173
Зимняя ночь	174
Что не отпущено	175
Два синквейна	176
Ступеньками	177
Закрыто на зиму	178
Ты должен мне небо...	180
Монолог	181
Молчание	182
Тебе останутся стихи и письма...	183
Смертный грех	184
Фарсы за чаем	185
Сплеснула нечаянно душу...	186
А боль твоя, увы, не стала тише...	187
Расстояние	188
Осень	189
Не хочешь болеть – не надо...	190
Мне бы всеу не отречься от тебя...	191
Дыхание неба	193
Когда я падаю на дно твоей души...	194
Каково это быть тобой?	195
Заварочные кружки	196

Нежность	197
Может быть...	198
Пообещай мне надежду...	199
Звезды августа	200
Приходи	201
Золушка. Послесказочное	202
Жизнь пожить	203
Отдать	204
Какая-то непруха, право слово...	205
Все говорят, что время лечит раны...	206
Точки над е	207
Bella mia	208
В конце тоннеля нет никакого света...	209
Дни тлеют сигаретой на ветру...	210
Я пишу плохие стихи...	211
Осенняя ночь	212
Тихо	213
Сердечное	214
Мой милый	215
Обыденности	216
У Леты своя обреченность течь мерно и вечно...	217
Я ухожу от многих обобщений	218
На каждого свой судия	219
Небо болеет весенними острыми грозами...	220
И молчал, заслушавшись, человек	221
А небо меняло цвета, не меняя значенья...	222

Люди проходят мимо	223
Из стихов вырастают...	224
Временное	225
Я проживаю дни	226
У жизни нет начала и конца...	227
Осмысляемое	228
Напьюсь до мутной темноты в глазах...	229
И дай мне бог не влюбиться в нее при встрече...	230
Мне сказать, наверное, нечего...	231
Предрассветное	232
Слова	233
Прощание	234
А ты меня полюби такой, как есть...	235
Поношенную душу на крючок...	236
Из ощущений	237
А стихи не пишутся...	238
Судьба? Кто придумал судьбу? И за что мне такую?	239
Разговора с собой не получится	240
И если писать стихи, то только сейчас...	241
А я бы к тебе приехала. Через границу...	242
А в городе снег, белым пухом летящий на землю...	243
Я курю подряд уже четвертую сигарету...	244
Вытряхнуть рифмы, словно из шкафа...	245
Что мне тебе сказать через столько лет?..	246

Очень хочется влюбиться, как тогда...	247
Все пройдет, все пройдет. Все утешится	248
Дочери	249
Встреча...	250
Противостояние	251
Я желаю счастья и добра...	252
И сердце мое теперь совершенно спокойно под твоей	253
И все, что мне нужно...	254
Когда прошлых нас нам осталось совсем чуть- чуть...	255

Анна Беляева

Сначала было...

Ты мне совсем чужой...

Ты мне совсем чужой,
И я тебе чужая –
И кружит шар земной,
Нас вовсе не сближая.
И ты спешишь к другой,
И я иду к другому,
Но кружит шар земной
Под вздохи и под стоны.
Да, кружит шар земной,
Века считая взглядом,
Но стихнет под ногой,
Когда ты будешь рядом.

Ничего мне от тебя не нужно...

Ничего мне от тебя не нужно –
Только чувствовать, как бьется сердце,
Только видеть, как дрожат ресницы,
Словно бабочки, напуганные сном.

Только слышать тихий, тихий голос.
Только пальцами касаться кожи,
Теплой кожи на твоей щеке.

Ничего мне от тебя не нужно –
Приходи со мной погреться рядом...

Если холодно, и если ты устал.

Никаких печальных историй...

Никаких печальных историй,
Пока кружится этот снег.
Я тебя любить не неволю,
Самый нежный мой человек.

Только светлая зимняя сказка
Под искрящимся небом звезд.
Я тебя отопрею лаской,
Если ты без нее замерз.

Ну а хочешь, все будет игрою:
И слова, и стихи, и взгляды.
Я тебя ни к чему не неволю,
Мне достаточно, что ты рядом.

И ты меня не любишь, и я тебя не очень...

И ты меня не любишь, и я тебя не очень,
Но говорят в народе: вода и камень точит,
Но говорят: привычка рождает постоянство,
Но говорят: счастливей живется нелюбящим.
И за окном морозы, и на душе – все чаще,
Но говорят: рябина от заморозков слаще.

На перекрестке двух дорог

На перекрестке двух дорог.
На перепутье двух тревог.
На оголенной высоте –
Ты разве вспомнишь обо мне?

Между дождями, средь снегов.
Между дворами, средь берегов.
На остывающей земле –
Ты разве вспомнишь обо мне?

Под ярким переплетом дней,
В мерцающем огне свечей,
На колкой влагнувшей траве –
Ты разве вспомнишь обо мне?

Средь белых стен, вчерашних тем,
Среди решений и проблем –
Все реже ожидая чуда,
Я разве о тебе забуду?!

Приходи прочитать мое имя...

Приходи прочитать мое имя
На могилу, на паперть, в тюрьму.
Обрекай меня на бессилье,
На любовь к тебе одному.

Приходи целовать мои губы
В старый дом, старый храм, старый морг.
Приходи упиваться бессильем.
Приходи посмотреть, как ты дорог.

Приходи обнимать мои плечи
У дверей, у ветвей, у креста,
Слушать тихие нежные речи,
До обиды, до дна, до конца.

Я прошу, не гневи ты Бога...

Я прошу, не гневи ты Бога,
Нет несчастной любви на земле.
Просто вдвое трудней дорога,
И опасность страшней вдвойне.
Просто раньше чуть – чуть мудреешь.
Просто сердце бьется сильней,
И немного труднее веришь,
Если просят тебя – поверь.
Но однажды, встав на рассвете,
Улыбнувшись летней траве,
Ты поймешь – раз играют дети,
Нет несчастной любви на земле.

Мне бы с тобой помолчать...

Мне бы с тобой помолчать,
Чтобы время стекало по коже.
Мне бы тебя целовать
До забвенья, до боли, до дрожи.
Обжигаться касаньем рук
И тонуть, задыхаясь, в вечности.
Почему же ты только друг
В этой странной ночной бесконечности?

Не могла собрать слово счастье...

Не могла собрать слово «счастье»,
Всегда не хватало букв,
Но пришел ко мне соучастник:
Мой учитель, мучитель, друг.
Льдинки – буквы смешал с улыбкой
И небрежно рассыпал вновь.
Заискрились ярко и зыбко
И сложились в слово «любовь».

Знаю только, что раз в три дня...

Знаю только, что раз в три дня
Бог приходит пытаться меня,
Бог приходит играть со мной,
Заменяет зиму весной.

Знаю только, что раз в три дня
Черт приходит ласкать меня,
Черт приходит шутить со мной,
Наслаждаться большой игрой.

Знаю только, что раз в три дня
Ты приходишь учить меня,
Ты приходишь играть со мной,
Наслаждаться своей игрой.

Я буду, кем ты захочешь...

Я буду, кем ты захочешь:
Любовницей, матерью, дочерью,
Подругой, почти знакомкой,
Ребенком, игривым и колким,
Старухой у колыбели,
Вдовой у холодной постели,
Сестрой, вчерашней безделкой,
Тираншей... и даже сиделкой.
Я буду, кем ты захочешь
Безлунной оплавленной ночью.

Часть тебя навсегда в этом небе останется...

Часть тебя навсегда в этом небе останется:
Между россыпью звезд, возле самого месяца.
Часть тебя с этим миром уже не расстанется,
Даже если однажды исчезнуть попросишься.

Часть меня навсегда в этом поле останется:
Между зеленью трав и снегов повторением.
Часть меня до тебя никогда не дотянется,
Даже если меня позовешь ты со временем.

Нет у меня ничего ни надежды, ни веры...

Нет у меня ничего: ни надежды, ни веры.
Только твое лицо призраком и химерой.
Только твои слова шаткими повтореньями.
Только твои глаза мнятся ночными бденьями.
Мне ли твоя любовь станет в пути наградой?
Что же ты смотришь вновь не на меня, а рядом?

О чем-то молится Иуда...

О чем-то молится Иуда.

Он тоже ожидает чуда.

Он верит в Божье всепрощенье.

Не видит он греха в решеньях:

В предательстве, убийстве, лести,

В забвеньи человеческой чести.

И в покаянии пока

Не видит своего греха.

Вот осень догорит пожаром...

Вот осень догорит пожаром,
Опустит с неба белый саван,
Прикроет землю перед смертью,
Закружатся ночные черти.
Оставят кровь рябины спелой
На саване безумно белом,
И тот, кто клялся мне в любви,
Уйдет по утренней крови.
И, верно, обратится в точку
На горизонта нервной строчке,
А после скроется совсем.
И в повторенье старых тем
Перед чужим или чужой
Я стану птицей полевой,
Скляю рябиновую кровь
И улечу искать любовь.

Сегодня холодно, даже в комнатах...

Сегодня холодно, даже в комнатах.

Кошка тычется в руки мордою.

А на мне халат и кофта.

И мне очень, ну очень плохо:

Я почти заболела,

Ломит душу и тело,

Хочется согреться,

Умчаться в детство,

Туда, где память,

К маме.

Обещаний ничтожества...

Если ты к ногам моим положен, ласковый.

Лежи.

М. Цветаева

Обещаний ничтожества
Подари другим,
У меня на пороге
Ты – пепел и дым.
Очарованный странник –
На воле, в плену –
Мой невечный избранник.
Из дождинок к дождю
Обращается время
Кругом в круг изменясь.
Не спеши, мой невечный,
Новых вечных искать.
Если ты – обращенный
До креста не спеши.
Если рядом положен,

То еще полежи.

Рыжий котенок лижет лапки...

Рыжий котенок лижет лапки.
Я надеваю на ноги тапки,
Наливаю себе черный кофе.
Я устала, болею, мне плохо.
На экране TV картинки.
Выгибает котенок спинку.
От кофе горько во рту,
Больше жить одна не могу.
Пока трется котенок о ноги,
Собираю себя в дорогу:
Два свитера, брюки, шапка –
Сбегаю от сюда украдкой.
С рыжим котенком стою на перроне,
Белая, вялая макаронина.
Возвращаюсь в свое детство,
Возле мамы, прижавшись, греться.

Двустииие

Злая ирония – тоже смех,
Может быть, искренний самый из всех.

В воздухе рыжем, туманом закутанном...

В воздухе рыжем, туманом закутанном,
Время бежало, стекая минутами.
Время ложилось травой на листву.
Время вдыхало небес белизну.
Небо упало в рассветные лужи –
Все отболело, и ты мне не нужен.

Тени и ночи, бессонницы сумрак...

Тени и ночи, бессонницы сумрак,
И одиночество больше безумья.
Мысли мои о тебе и с тобой.
Где же ты? С кем же ты? Мой и не мой.
Мечутся тени и мысли, и память.
Нужно забыться, отвлечься, заставить
Мысли утихнуть, тени исчезнуть, память умолкнуть
И спрятаться нежность.

Детство незаметно отлетело...

Детство незаметно отлетело
Как душа.
На себя бездетствую глядела,
Не дыша.
Сединой родительской объята
Как пургой,
Я, прижатая своей утратой
И бедой,
На себя бездетствую глядела,
Не дыша.
И куда-то к вечности летела,
Все кружа.

Когда снимают с креста...

Когда снимают с креста,

Уже не больно.

Когда рана едва-едва

Сочит кровью,

Когда губы остыли,

Высохли,

Тогда сердцем застыну

В выси я.

И больше не жалуясь,

Не скорбя,

Я стану памятью

У дождя.

Сколько нас таких, потерянных...

Сколько нас таких, потерянных,
Бродит по миру?!
В отношениях скольких временных
Мы обронены?!
Ожиданий нервных скомканных
Сколько спрятано?!
И хорошие мы все
Только мятые.

И в растерянности все так синхронны мы,
Что рыдаем об одном как бездомные.

Случайная встреча

Всем когда-нибудь по вере по какой-нибудь химере

Воздаётся в полной мере.

Вот и эти дождались...

А. Ерошин

Мы жили так, как нам жилось,
И ошибались... Впрочем, Бог прощает.
Вот истины найти не удалось,
А истина так много обещает.

И вот еще – теперь всегда февраль
И вечные колючие метели.
Мне лета, кажется, немного жаль,
Да жаль еще, что чувства побледнели.

И грустно мне все чаще оттого,
Что тот, с кем говорить могла часами,
Вдруг стал холодным призраком всего

С бутылочно-прозрачными глазами.

Ты знаешь, я пойду... Сибирь, зима,

И город ждет борьбы, побед, успехов.

Одна ли я по-прежнему? – Одна.

Зайди когда-нибудь. Отлично, что приехал

Кружится льдинка на лезвии остром...

Кружится льдинка на лезвии остром,
Ждет предответов к недопросам,
Ждет окончательных слов и решений,
В преодолениях ждет достижений.

Льдинка прекрасна, льдинка всеильна.
Замерло время в кружении длинном.
Льдинка танцует на тонкой опоре,
Льдинка живет с острым лезвием в споре.

Льдинка все тоньше, льдинка растает.
Время безмолвно на льдинку взирает.
Лезвие остро, солнце жестоко.
Льдинка бессильна и так одинока.

Не нужно слов...

Не нужно слов,
Пока есть любовь,
Мы и взглядами договоримся.
И взглядов не нужно,
Пока есть дружба,
Мы, наверное, не простимся.

Кофейной горечью встречи
Я меряю нашу вечность,
Которая завтра пройдет.

Останется море, останется небо...

Останется море, останется небо,
Сто тысяч земель, в которых ты не был.
Останется два миллиона вопросов
до боли души, до тела износа.
Останется мир – безразличный и вечный
Для дерзких мечтаний и бед человеческих,
Пренебрежительный к нашим порывам,
Нашим надеждам, смешным и спесивым.
Останется все неизменным от века,
Как было и будет без человека.

Когда я совсем одна, и сердце устало биться...

Я подумал, что Ад все равно никуда не денется.

Ч. Паланник

Когда я совсем одна, и сердце устало биться,
Когда я не влюблена и не хочу влюбиться,
Когда все закрыты пути и найдены все решенья,
Когда мне проще уйти, чем снова искать утешенья
В пустых и чужих глазах и незнакомой улыбке,
Тогда на десятый такт я вспоминаю ошибки,
Я вспоминаю боль, я вспоминаю обиду.
Я вспоминаю то, что в ритме жизни забыто.
И в тишине мостов или колес шуршании,
Я подбираю слов новое сочетание.
А на последней строке, в чувств бесконечной метелице,
Я говорю себе: «Ад никуда не денется».

И плакать не могу...

И плакать не могу
Даже от боли,
Оттого и смеюсь
С тобою,
Оттого прижимаюсь
Крепче.
Мое горе тебе на плечи.

Мне, знаешь ли, нравятся Воланды...

Мне, знаешь ли, нравятся Воланды,
Хромые, зеленоглазые,
Всегда слегка неуместные,
С прислугой ловкой и злой.

Мне, знаешь, близки Пилаты,
Верящие и любящие,
Что остаются верными,
Хотя посылают на казнь.

А ты?.. Ты ведь даже не мытарь.
Ты даже, увы, не Иуда.
Дай бог, если дядька из Киева.
О чем нам с тобой говорить?

Вверх по лестнице, ведущей вниз

Странно, когда называют белое черным,
Выжившего продолжают считать обреченным,
Десять ступеней пригодными только для спуска;
Комнату полную воздуха, местом где пусто;
Капли дождя лишь ненастием и непогодой,
Старостью только ушедшие в прошлое годы;
Дружбу извечной, любовь же всегда преходящей.
Странно, когда безоттеночны правда и счастье.

Не так уж страшно здесь

Скажи ей нежно, Персефона:
Не так уж страшно здесь в аду.

Эдна Миллей

Чего мне не хватает?! Разве детства,
Когда арбузом пах морозный воздух
И было ясно без причин и следствий,
Что жизнь приятна, вечна и серьезна.
О чем мечтаю?! Может быть, о воле,
Когда ветра и дождь, и пыль, усталость,
Когда есть наслаждение даже в боли,
Когда не ясно, сколько мне осталось.
Чем дорожу?! Как все любовью, домом
И тем, чем мимолетным я живу.
А, впрочем, передай им Персефона:
"Не так уж страшно здесь в земном аду"

Я не знаю

Я не знаю, как мы будем расходиться.

Я не знаю, что там будет говориться.

Я не знаю, сколько горечи и боли

Будет в нашем расставании с тобою.

Так случилось...

Так случилось,
Мне влюбилось
Не в того.

Так досталось,
Мне страдалось,
Но давно.

Так сложилось,
Все забылось,
Через год.

Так уж вышло,
И неслышно
Дождь идет.

Ничего мне не надо...

Мне мало надо!

Краюшку хлеба

И капля молока.

Да это небо,

Да эти облака!

В. Хлебников

Ничего мне не надо!

Только небо

Над головой,

Да краюха хлеба,

Да вернуться домой.

С тобой!

Пусть все будет как будет...

Пусть все будет как будет.

Пусть и завтра и после

Брызжут звонко капелью

Приходящие весны.

Пробивается зелень

Из-под бурого дерна.

Пусть все будет как было

И вчера и сегодня.

Пусть из жаркого лета

Снова осень родится.

Пусть опять и опять

Моя жизнь повторится.

Мы все похожи...

Мы все похожи
Из мяса и кожи,
Из слов и объятий,
Из снов, восприятий.
Мы все одиноки
В терзаниях плоти,
В метанья души
Без правды и лжи.
И ты как и я –
Растерянный бог.
И так же как все
Со мной одинок.

Я искала Бога у чужого порога...

Я искала Бога у чужого порога,
В призрачных снах, в глупых мечтах.
Я искала правды у ворот ада,
На краю бездны, в речах бесполезных.
Я искала мира в чужих квартирах,
В шумных компаниях, в хаосе созидания.
Я искала покоя, общаясь с тобою,
У сонной воды, где встретились мы.

Между кожей твоей и кожей моей...

Между кожей твоей и кожей моей
Километры одежд, миллионы людей,
Сотни стен и десятки закрытых дверей
Между болью моей и мечтою твоей.
Не прижаться к тебе, не уткнуться в тебя,
Между нами «невзгляды», домысли, слова.
Между нами моя безнадежность и тишь,
Потому что опять ты о чем-то молчишь.

Мы слишком близко, опасно рядом...

Мы слишком близко, опасно рядом.

Я пробегаю небрежным взглядом

Мимо тебя.

Сердце колотится бешеной птицей.

Сердцу зачем-то нужно разбиться

Нынче о грудь.

Ты не один, я с кем-то рядом.

Ты пробегаешь взволнованным взглядом

Мимо меня.

И через метры, одежды и лица

Слышу, как сердце тревожно стучится

В ребра твои.

Можно долго смотреть на небо...

Можно долго смотреть на небо,
Можно много бродить по свету,
Пропылиться чужой дорогой,
Напитаться далеким ветром.

Любоваться горами, лесом,
Удивляться морям, пустыням.
Узнавать, как твердеет лава,
Как на ветки ложиться иней.

Можно все, даже стать бродягой.
Все увидеть и все изведать.
Можно просто в тебя смотреться
И не нужно ни моря, ни неба.

До снега совсем немного...

До снега совсем немного.
Он запорошит память,
Поможет мне все оставить,
Заметет к отступленью дорогу.
По утрам будет пахнуть листвою,
Замерзшей в лужах,
И ты мне станешь не нужен,
И я тебе стану чужою.
Вечером будут звезды светить
И огни фонарей на улицах.
Нам с тобой ничего не забудется.
Мы научимся с этим жить.

Оцты и дети – вечные сюжеты

И поплыл Моисей в корзине

Через белый свет.

Кто же думает о каком-то сыне

В восемнадцать лет.

М. Цветаева

И ты старался, и она старалась,

Но что-то проглядели в суете.

И кажется, пропущенное – малость,

А дети выросли совсем не те.

И ведь ждалось и все для них мечталось,

А вот они к мечте не подошли.

Найти бы ту упущенную малость,

Да ведь за годы... Где ее найти?

И остается отпустить корзину

На волю волн, несущих в белый свет,

И дать свободу выросшему сыну

В его смешные восемнадцать лет.

Встречи

"Добрый день!", "Хороший вечер!".

Жизнь от встречи и до встречи,

Боль в улыбках расставанья.

Миг немого узнавания.

"Добрый день", "Пока", "До встречи!" -

Жизнь перетекает в вечность:

Разговоры, слезы, споры.

Ты мне дорог, очень дорог!!

"Добрый день", "Пока-пока!".

Льется времени река.

Грусть мою тебе на плечи:

"Здравствуй, милый! Добрый вечер!"

Осенние размышлязмы

*Но когда бы понял старый вал,
Что такая им с шарманкой участь,
Разве б петь, кружась, он перестал,
Оттого, что петь нельзя не мучась.
И. Анненский*

Итак. Я принимаю новый день,
Колючий воздух и мороз под кожу.
И даже собственную съезженную тень
Я теплотой дыханья не тревожу.

Из года в год в кружении листвы
Я проживаю дни своих рождений.
Мне чудятся под заморозки сны.
В дожди я просыпаюсь от видений.

И мысль, что каждый год к концу пути
Меня все приближает постепенно,
Не стоит стонов, криков, суеты.
Да, жизнь болезненна, но оттого напевна.

Давай поговорим...

Давай поговорим,
Молчать невыносимо:
Тебе нехорошо
И очень больно, милый.

Какая тут любовь,
В душе разлад, усталость.
А хочется, чтоб вновь
Стремилось и мечталось.

А хочется зажать
Как раньше, полной грудью.
А хочется вложить
Ладонь в родные руки.

А хочется хотеть
И женщин, и в дорогу.
А хочется, суметь,
Создать, узнать, потрогать.

Давай же говорить,
Искать вдвоем решенья.

Быть может, счастье – жить
Сквозь боль и утешенья?

Приглашение к жизни

Кто тебе сказал, что счастье – пик?
Счастье – то плато, что перед пиком.
Кто тебе сказал, что жизнь есть миг.
Жизнь еще и то, что после мига.
Кто тебе сказал, что нужно лгать,
Если лгать ты так и не умеешь?
Кто тебе сказал, что нужно ждать,
Как закончится когда-то наше время.
Может, мы присядем на плато,
Насладимся мигом перед "после"?
Знаешь, это очень хорошо,
Понимать, что в миге мы лишь гости.

Не согреть тебя дыханием. Ведь не птица...

Не согреть тебя дыханием. Ведь не птица.
Но душа твоя во мне все гнездится.
Все пространство у меня занимает,
И болеет, и живет, и рыдает.
Я тебе не расскажу, как случилось,
Что душа твоя во мне поселилась.
Ей тут ладно и тепло на постое.
И пока что гнать ее мне не стоит

Ты всего лишь знакомый...

Ты всего лишь знакомый,
Как тысячи прочих,
Так зачем же тревожить
Холодные ночи
Одиночества моего.

Ты всего лишь прохожий,
Один из многих,
Но зачем-то сплелись
Наши дни и дороги,
Потянулись вперед.

Ты чужой, ты далекий,
Неинтересный
Только сердцу в груди
Неожиданно тесно,
Когда бьется с твоим в унисон.

Мы с тобою два разных эха...

Мы с тобою два разных эха
Одного и того же голоса.
Две печали и два успеха,
Два метания общей совести.

Мы с тобою два повторения
Одного и того же слова.
Два ночных недосна, моления,
Перешептанных снова и снова.

Ты и я – две судьбы несвязанных
Ни любовью, ни долгом чести.
Я тебе ничем не обязана,
Оттого мы пока что вместе.

Я с тобою не расстаюсь...

Я с тобою не расстаюсь.
Разве можно с родным расстаться.
Не такая уж горькая грусть
В нашем по принуждению "братстве".

Я уже не смогу зачеркнуть
Летний вечер, обрыв, губ касанье.
И сама никогда не прощусь,
А душе нужно так расстоянье.

Может быть, ты уедешь совсем?
Нас с тобой разведет и развяжет.
А из всех проговоренных тем
Строчек ряд зарифмованных ляжет.

Рядом с тобой

*Ну что же, тот, кто любит,
должен разделять участь того, кого он любит.
М. Булгаков "Мастер и Маргарита"*

Беда не в том, что сказано так много,
Надежда в том, что сказано не все.
И даже самая знакомая дорога
Однажды тело к счастью принесет.

Беда не в том, что я тебя теряю.
Мечта – не потеряться без тебя.
Конечно, я тебе не "дорогая",
Но бесконечно чем-то дорога.

И радости не в том, что ты любимый.
И безответность – повод, чтоб гореть.
Я принимаю слабостью и силой
Всю боль желаний, жизнь и даже... смерть.

Я тут подумала...

Я тут подумала – давай поженимся.
Стихи закончатся, слова изменятся.
А что? Давай!

Я тут подумала – давай расстанемся.
Обида с нежностью равно останется.
Ну вот, давай!

Мне тут пригрезилось,
Что мы не встретились...
Но как же так?!

Поговорим о странностях

Поговорим о странностях любви,
Иного я не мыслю разговора.

А. С. Пушкин

Я загляжусь в усталость твоих глаз,
Забуду о молчанье и приличьях,
Что я здесь на правах чуть меньше птичьих,
И расскажу о думанном не раз.
Скажу, что снова осень, листопад,
Что мне в нем хорошо, я оживаю,
И о тебе все реже вспоминаю,
И не терзаюсь, будешь ли мне рад.
Скажу, что боль прошла и ревность тоже.
Теперь у жизни новый вкус и цвет,
Почти как был до наших встреч и лет.
Скажу, что я тебя не потревожу.
Скажу, что время побежало вновь,
Что ты был прав всегда, как ни печально.
И напоследок – шёпотом, как тайну:
Мне жаль, но не кончается любовь.

Все уже случилось. Не поправить

Все уже случилось. Не поправить.

Да и нужно разве поправлять?

Я тебя вполне могу оставить,

Если вдруг придется оставлять.

Здесь Земля, а вовсе не Солярис.

Что тебе подбросил "океан"?

Чем бы мы с тобой не исцелялись,

Не залечим всех глубинных ран.

Может что-то нас и изучает.

Вне рассудка, пониманья над.

Но пока с тобой не разлучает

И не требует вернуть меня назад.

Губами к твоей душе...

Губами к твоей душе,
Так проверяют жар у ребенка.
На этом крутом вираже
Есть наледь и крутит поземка.

Словами в твои слова,
Слагая болезнь к болезни.
Я так же была влюблена.
Я так же срывалась в бездны.

И чем невозможней любовь,
Тем легче стихи и признанья.

Стихами к душе твоей вновь,
Метанья вложив в метанья.

Приезжай. Еще раз поговорим...

Приезжай. Еще раз поговорим.
Не последний, но окончательный.
Ты станешь знакомым моим,
Как многие. Замечательным.

Ты станешь отрезком судьбы,
Как хотел: от точки до точки.
Ты станешь, как все мечты,
Обращенным в слова и строчки.

И еще на много недель
Останешься самым близким.

Как устала я ждать вестей
И быть "энным" номером в списке!

Вечность

Это кажется, будто по прихоти
Вечность дается. Незаслуженно.
Ты ко мне вечером приходи,
Будем вечность делить за ужином.

Мы теперь навсегда вплетены в ее тело,
Прочно часами увязаны вместе.
И будет мне рядом с тобой тепло
Все сто сотен веков безвестия.

Это кажется, будто по прихоти
Вечность дается. С натугою.
Ты, захочешь, ко мне приходи,
Будем вечность дарить друг другу.

Недо-...

Всегда остается недосказанность,
Даже когда, казалось бы,
Ну, все же до дна сказалось ведь!
И даже поглубже дна.

Всегда остается недомолвленность,
И даже когда все отмолено,
До самого неба отмолено!
И, кажется, за небеса.

Всегда остается недонеженность,
Даже когда, конечно же,
Бессмысленно много нежности!
От неба до самого дна..

Сшейте наряд моему любимому...

Сшейте наряд для моей любимой.

Сулейман I Великолепный (Кануни)

Сшейте наряд моему любимому.

Из теплых ветров рубаху,

Чтобы было тепло и легко

Без меня.

Из ткани морей его брюки,

Чтобы касались тела нежнее

Рук моих.

Обувь зелению летних лесов,

Чтобы без усталости шел по дорогам

Ко мне.

А плащом душа моя станет,

Чтобы укрыть от невзгод и ненастий

В пути.

Я в тебя заглядываю

Я в тебя заглядываю, заглядываюсь,
Чтобы однажды заглядеться полностью.
Чтобы потом тебе про тебя рассказать
Твоим голосом.
И мне нужно взглядеться в тебя до самого дна.
Нет, глубже.
Ты не спрашивай: "Почему?". Я не знаю.
Мне **НУЖНО!**
И мне важно понять про тебя все до конца.
Больше себя самой.
Я заглядываю, заглядываюсь во внутрь тебя...
Я ищу там встречи с тобой.

Мы с тобой сумасшедшие боги...

Мы с тобой сумасшедшие боги,
Истоптавшие тропы-дороги,
Где до нас не ходили давно.

Мы с тобой гениальные бесы,
И так сладко, так нежно-чудесно
Облизнуться душой на десерт.

Мы с тобой полуночные воры,
Только жалко, что утро скоро
И добычу придется вернуть.

Может быть, и не любовь все это...

Может быть, и не любовь все это.
Просто мир жесток, а сердце нежно.
Просто мы уже не слишком дети,
Чтобы позволять себе небрежность.
Может, просто мы с тобой совпали
В этом времени и в этой недостатке.
Кажется, мы хорошо узнали,
Как же переменчива удача.
Все непросто, но не в этом дело.
Ты и я. Твои-мои надежды.
Я тебя совсем чуть-чуть согрела.
Ты чуть-чуть свою растратил нежность.

Ему нравится

Он любил три вещи на свете...

А. Ахматова

Ему нравятся восточные блюда,
Его сумасшедший бизнес
И город, теперь часть Китая.
Не нравятся глупые люди,
Собственный внутренний кризис,
И когда я совсем чужая.

А мне хорошо рядом с ним.

Время пришло прервать и это знакомство...

Время пришло прервать и это знакомство.
Я благодарна тебе за все, мое Солнце:
За то, что меня создавал упорно, упрямо.
За то, что сумел нанести такие глубокие раны.
Потопчемся рядом еще, поищем слово.
Мне было с тобой хорошо, светло и ново.
Но все неизбежно. И вот знакомство выпито.
Мне было с тобой хорошо. Всё лучше, видимо.

За секунду до

За секунду до... любви и смерти
Еще хочется... любви и жизни,
Еще помнится... о завтра и выдохе,
Еще верится... в завтра и вдох.

За секунду до.. остановки и бездны.
Навсегда.

Холодные души на крест не всходят...

Холодные души на крест не всходят.
И тем их земная мука длится.
А я кабаком стою при дороге,
Для всякого страждущего больница.

Смирись. Если жить – по законам Бога.
И значит тебе уготован крест.
Вот я много лет проходная дорога
С таверной на десять посадочных мест.

Прими, что не Высший, твои решенья,
Меняют миры, создают запреты.
Ты жаждешь любви. Я даю утешенье.
И вижу, опять отречешься к рассвету.

Седеют мне самые близкие люди...

Седеют мне самые близкие люди.
Хорошие самые, мудрые самые.
А время порошей их волосы студит.
И я чуть грущу, наблюдая за мамою.

И я дорожу каждой встречей с любимым,
В надежде с зимы допроситься отсрочки,
Пытаясь оттаять нетающий иней
Словами, губами, как помощью срочной.

Седеют два самых родных человека.
Я все понимаю. Да, время есть время.
Что людям сесть и стареть. Так от века.
Но больно, что близкие раньше седеют.

Эта женщина тоскует, эта женщина болеет...

Эта женщина тоскует, эта женщина болеет.

Эта женщина так любит, как пришлось и как умеет.

Эта женщина прекрасна. Все светлее от терзаний.

И случайным непонятно, для чего ей шлейф страданий.

Словно боль приворожила ее смутная улыбка.

Словно нравится, что в жизни все так призрачно и зыбко.

Что пройдет и что вернется, и когда огонь истлеет?

Эта женщина не любит – эта женщина болеет.

К черту всё!!

К черту всё!

Выбираю жизнь на пятнадцать копеек!

Мертвые

Ни любить, ни страдать не умеют.

Кто сказал

Будто счастье дается немногим и редко?

Кто наврал?

Я куплю счастью медную клетку.

Пусть живёт!

Кукарекает в доме моем как умеет.

К черту всё!!

Жизнь моя. Разменяю пятнадцать копеек.

Никому мы, в общем, не нужны...

Никому мы, в общем, не нужны,
Разве что родителям и детям.
Я люблю осенние дожди.
Я люблю январский сиплый ветер.

Что же я хотела рассказать?
Что-то про привязанность и душу,
Что других попробовать понять
И не сложно, но всегда ли нужно?

Я люблю осенние дожди,
Потому что с ними грусть уходит.
Никому мы, в общем, не нужны
И одеты вновь не по погоде.

Нет, я не страну свою люблю...

Нет, я не страну свою люблю
(Все ее пере- и по-вороты).
Я занозю по ней и в ней болю
И болею ею отчего-то.

Может, я привязанна сильней
Тем, что в детстве родину теряла;
И к зиме, и к хмурости людей,
И к привычке все ломать сначала.

Говорят, что любят просто так,
Ни за что. Наверно, в этом дело.
Я стране своей попала в такт
И выросла в ее большое тело.

Танго ангела

Как красиво танцует ангел
Над обрывом у самого края.
Я смотрю на нее, не пугая,
И хочу танцевать с ней танго.
Как красиво танцует твой ангел
Совсем рядом с надежной опорой.
Я за ней последую скоро
Танцевать призывное танго.
Как красиво танцую я-ангел
Все над той же незримой бездной,
Тайной, зыбкой и неизвестной,
Обольщая круженьем в танго.

Зимний ветер играет терновником... женская версия

Зимний ветер играет терновником,

Задувает в окне свечу.

Ты ушла в этот вечер с любовником.

Я один. Я прощу. Я молчу.

А. Блок

Зимний ветер играет терновником

И дрожит сквозняком свеча.

Будут встречи, и будут любовники.

Часть по страсти, а часть сгоряча.

Я на них не молюсь. Постылые.

Лишь один больно шутит со мной.

И терновник царапает с силою,

Когда я возвращаюсь домой.

Но сейчас, приглядевшись к счастью,
Я сквозь боль назад прихожу.
Многим я отдавалась со страстию.
Но тебя как ждала, так и жду.

Все, чем сердце твое туманится,
Станет ясно в моей тишине.
Ты однажды рядом останешься
И доверишься снова мне.

Ночь, улица, фонарь, ларек...

Ночь, улица, фонарь, аптека...

А.Блок

Ночь, улица, фонарь, ларек.
Аптека тоже есть, конечно.
И до реки вод талых сток,
А в остальном вполне извечно.

Умрем, родимся и как встарь,
В перемещеньях дней бегущих
Нас тускло осветит фонарь
Над улицей с ларьком насущным.

Чужой день рождения

Купить дорогих конфет и дешевых наркотиков -

Отпраздновать очередной день рождения.

Начать алкоголем, закончить кино. Может, "Кортиком"?

И складывать рядышком капли вина с поражением.

Одеться. В мороз, чтобы зябнуть как ветки деревьев.

И думать о разном, но больше уже о хорошем.

Назавтра случиться тяжелое злое похмелье

Со вкусом во рту ночевавших и гадивших кошек.

Может, лишь потому и рядом...

Может, лишь потому и рядом,
Что взлететь из-за ран не может.
Он глядит чуть встревоженным взглядом.
Я касаюсь ладонью кожи.
–Что, мой Ангел, хреново нынче?
Ты прости. Сквозь меня и навyleт.
Кровь течет. Крылья сложишь – брызжет.
Но врачи эти пули вынут.
Не спасла я тебя за правым.
Даже черт загрустил за левым.
Но, быть может, не страшны раны.
Только крылья чуть-чуть задело.
Слушай, Ангел, останься со мною.
Не летай ты с отчетами к богу.
Здесь ведь скоро забрезжит весною,
Будем вместе искать дорогу.

И вот напишутся монологи...

и вот напишутся монологи

И через годы, дни-недотроги.

Вдруг станет ясно, что у дороги

Всегда как минимум два конца.

И нужно выбрать, куда податься.

Остаться здесь или, блин, расстаться.

Кому поплакаться и отдаться

В отместку или же от тоски.

Допьется чай и вино прольется.

Он не дождется, он отвернется.

А, впрочем, может быть, отольется

Ему голодная та тоска.

Красивый. Вряд ли? Счастливый? Может.

Но что-то бесит, опять тревожит.

И он в развязности до дрожи

Все ищет встречи с самим собой.

О, жизнь без прошлого и завтрашнего дня...

О, жизнь без завтрашнего дня.

Ловлю измену в каждом слове,

И убывающей любви

Звезда восходит для меня.

А. Ахматова

О жизнь без прошлого и завтрашнего дня,

Всё выпить этим вечером дрожащим.

Уходит ожиданье из меня,

Одевшись городом метелящим и спящим.

Еще подышим в зыбкой темноте

Над остывающими мертвыми мечтами.

И мысли на белеющем листе

Сторонние решат назвать стихами.

И не печально, что былого нет,
А будущее даже и не мнится.
Но жалко догорающий рассвет,
К которому хотелось так стремиться.

Еще год

Еще год. Я сложу в копилку
Седины твоей новой пыль,
Наших мелких размолвок опилки
И несказочно-светлую быль.

Еще год пустоты и тревоги,
Наплняемых содороженьем.
Не сбылось. Не случилось. Не боги.
Наши все- наши не-отношения.

Еще год. Мир наполнен и создан.
И, как видно, не нужен иной,
Пока в этом подлунном и звездном
Я стихаю твоей сединой.

Яблочные размышления

Что-то холодно и очень пусто.
Отдохнувшее тело тревожится.
Не хватает какого-то чувства,
Словно мякоти яблочной кожице.

Вот и небо прозрачно-синее,
Как в предмартье у нас бывает.
И по утрам на ветках инеем
Снег кокосовый. Днем растает.

Может быть, и не так уж холодно.
Просто сердце должно тревожиться.
Просто яблоко зелено, молодо.
Скоро мякоть почувствует кожица.

Последний разговор по мотивам Мастера и Маргариты

Представь, как голодный хочет наесться – эти двое наговориться.

Потомкам остались плащ с кровавым подбоем, чаша и плащеница.

Но это уже не важно.

По млечной дороге вперед нетвердой походкой кавалериста

Идет человек. Рядом второй. Луна освещает их лица.

И к черту Грааль и подбой.

Худой пес трусит впереди, резвится, дивится этой странной дороге.

Ей нет конца. И это важнее всего. Им нужно сказать так много.

Про то, что важнее креста.

Мыслестрочия

Чужой монастырь, на то и чужой.
И я со своим уставом не лезу.
И то, что стакан все же полупустой,
И что даже в полном увидела бездну.

Чужая война, на то и война,
Чтоб в ней оказаться всегда побежденным.
Но вера и правда, мне мнится, одна.
Пусть вера и правда души обреченной.

У каждого свой поводок и петля.
Раз дернешься резко и будешь задушен.
Последнее время мне кажется, зря
Господь подарил нам бессмертные души.

А на перстне царя Соломона...

А на перстне царя Соломона
Не стирается гравировка:
"Все проходит. И это тоже"
Неприменно и это пройдет.
Я топчусь на краешке жизни
На мою чем-тоочень похожей.
И не верю глупому перстню,
Слишком долго мне надпись врет.

Мудрый Лис из недетской сказки
Говорит неземному ребенку:
"Прирученным случается плакать".
Мне случается, мне дано.
То и дело личные кошки
По душе царапают лапой.
То и дело грусть расставаньем
Ищет нежности край и дно.

И еще говорят, что даже
В полном мраке есть капля света.
И однажды в жизни бывает
Повернуться времени вспять.

Вот и все. Я с тобой прощаюсь
И мечта сосулькой тает.
Жизнь пора начинать сначала
И без снов научиться спать.

Посмотри на меня и послушай

Посмотри на меня и послушай.

Это сердце стучит неровно.

Это птицы поют крикливо,

Рассекая крылом лазурь.

Я ведь знаю, бессмертны души.

Да и все мы повязаны кровно,

Да и время течет лениво,

Обрекая на мрак и хмурь.

Посмотри на меня и почувствуй.

Это голос рвется на волю.

Это кожа упруго тянет

Для себя кислород и жизнь.

Почему же так часто пусто,

Где-то возле души так колко.

И все кажется день устанет

И сорвется однажды вниз.

Человек играет

Человек играет в бога:
Не в мессию так в пророка.
Человек играет, чтобы
Вдруг не стало одиноко.

Человек играет страсти:
Не любовь, ну, хоть влюбленность.
А у страсти столько власти
И к вранью такая склонность.

Человек играет волю
До скончанья дней и века,
Редко избирая роли,
Где играет человека.

Тает тихо слеза предпоследнего снега...

Тает тихо слеза предпоследнего снега.
Я почти идеально вписалась в природу.
Как тебе объяснить?! Не бывает победы.
Есть лишь цели, стремленья, ухабы, дороги.

Что тебе рассказать? Про себя, про работу?
про знакомую, ждущую где-то ребенка?
Нет, пожалуй, побед. Только дни и заботы.
Жизнь всего лишь с неброским узором скатерка.

Я почти идеально вписалась в природу,
очертив в нашей жизни спокойствия зоны.
Нет побед, но мы сможем наладить погоду,
Подновив и поправив немного узоры.

Треугольник

Фигура я? Пожалуй, треугольник.
Натянутый, и жесткий, и колючий.
Решающий и ищущий достойных,
А, может быть, пусть субъективно, – лучших.

Устойчивый и равный треугольник.
Кто видит нерв, протершийся об угол?
Клинком реакций исколовший столько
И не мечтавший оказаться кругом.

Бескомпромиссный с острыми углами.
Такой останусь, сколько простою.
Но хорошо так краткими часами
В окружность вписанную быть твоею.

Я возьму твою руку...

Я возьму твою руку,
Я сожму твои пальцы,
Потому что так глупо
Без причины расстаться.
Я возьму твою руку,
Утону в ней ладонью.
То ли кошка мяукнет,
То ли время застонет.
Я сложу свои пальцы
На твои и представлю,
Что отныне и дальше
Током вечности правлю.

Вот и все

Вот и все. Нас полечит небо
Своей синей и влажной кожей.
От минуты толчка и разбега
До секунды, когда жизнь стреножит.

Вот и все. Нас целят простуды,
То весенние, то в ноябрь.
И, наверное, лучше не буду.
Да и ладно. Не хуже хотя бы..

Вот и все. По тарелке белой
Катит яблочко день наливное.
Я твержу, что ты вовсе не был.
И как раньше болею тобою.

Бог хромой нахромал мне тропку...

Бог хромой нахромал мне тропку

Черте знаете ли какую.

Я хотела быть легкой пробкой,

А явилась порывом бури.

И холодным дождем апреля,

И капелью с январской крыши,

Птиц осенних последней трелью,

Чтобы ты, не желая, слышал,

Чтобы чувствовал резко сразу

Каждый шаг по твоей планете,

Чтобы были приметны глазу

Все мазки меня в этом свете.

Уходи и считай забытой,

Но метелью пощечин вспомнишь

Ритм дыханья мой резкий, сбитый

В твой вплетавшийся как-то в полночь.

Мне в Царствие Божье, как в ушко иголки...

Мне в Царствие Божье, как в "ушко" иголки,
Навряд ли пролезть.

Но я выбирала болезненно долго

Единственный крест.

Сухими глазами глядела в провалы

Ночной пустоты,

И все забирала, и всем отдавала

Чужие кресты.

В игольное "ушко" пролезу навряд ли,

Да мне и не след.

На встрепанном сердце ожоги как пятна.

И снова рассвет.

Пройти по гравиию слов...

Пройти по гравиию слов.
Зацепиться за скол твоего имени.
Я человек, вообще-то, не злой,
Просто душа по копейке выменяна.

По краю воды неспеша проскользить,
Цепляясь подолом за пену прибоя.
Не то чтобы я не умела любить,
Но вот не любила, похоже, давно я.

Я тихо пройду не оставив следа.
На камешках слов все теряется быстро.
Но, может быть, кто-то представит тогда,
Что я превращаюсь к закату в жар-птицу.

Что не сказано, и не скажется...

Что не сказано, и не скажется.

Что не связано, то не свяжется.

Теплых пальцев бег по твоей груди.

Ты молчи сейчас. Хоть сейчас – молчи!

Теплый выдох твой на моих губах.

А внутри не боль и совсем не страх.

И не горько мне краткой блажию.

Оплела нас жизнь связей пряжею.

Одна ночь

И с губ собрав всю страсть твою до капли
В предутренней остывшей тишине,
Я поняла, что нет пути обратно
И ты такой, каким не снился мне.

В сплетеньи тел, скрещеньи жарких пальцев,
Когда видны все мысли сквозь зрачки.
Мне показалось, что для душ-скитальцев
Впервые появились маяки.

Но до рассвета ждать совсем немного,
И я в тебя вжимаюсь тем сильней,
Чем очевиднее необщая дорога
И в некасаниях многомерность дней.

Они оба пьяны...

Они оба пьяны настолько,
Что качаются стены и пол.
Он сюда не пришел бы... только...
Он бессильно в нее влюблен.

В этой комнате странно тесно,
И пусты две бутылки вина.
Он пришел... Для чего?.. Неизвестно.
А она так в него влюблена.

Неуместны в чувствах признанья,
Если раз ничего не сложилось.
Она топит в вине мечтанья.
Он твердит: "Это мне приснилось!"

Оба так пьяны. Ах, как глупо,
Но сегодня все будет честно.
Губы снова отыщут губы...
И рассвет они встретят вместе.

Кажется

Кажется, ну вот, кажется.
Так бывает порой в гардеробе.
Номерок и одежда не свяжутся,
Хоть отдали по номеру вроде.

И как будто бы двое остались:
Он с манто, она с рыжей курткой.
День закончен – мигрень и усталость.
Ей к авто, ему два переулка.

Обменяются нервно вещами
И пойдут по домам в раздаженьи.
Она пискнет брелоком с ключами.
Он привычно смахнет восхищенье.

Он не пьет вина и не встречается с женщинами...

Он не пьет вина и не встречается с женщинами,
Но скажите тогда, зачем ему небо?
Это синее небо с прожилкой из облака,
Для чего человеку без радости мира?

Он играет со мной в поддавки и игрушки.
Но скажите тогда, зачем ему сердце?
То частящее сердце, которое плачет,
Для чего человеку без счастья ошибки?

Он глядит мне в глаза всех цветов малахита.
Но скажите тогда, зачем эти взгляды?
Если дальше игра в поддавки с синим небом,
На котором не ищутся радости мира.

А она грешила и каялась...

А она грешила и каялась.
Как ложилось, так и жила.
И когда небесам представилась
Звонко дрогнуло время-игла.

И неслась череда поклонников,
И ряды нерешенных дел.
Неспокойных и вовсе покойников -
Душ, идей, достижений предел.

А она грешила и каялась.
И несла белый свет в подолЕ.
И когда на заре преставилась -
Завещала грешить и мне.

Беру таблетку. Написано – счастье...

Беру таблетку. Написано – "счастье".
В продаже редко – ты соучастник.
Совсем немного. Всего две дозы.
Потом в дорогу. Побольше прозы.
Беру таблетку. "Любовь" – по сгибу.
Страдаю редко – не трачу силу.
Чуть-чуть для боли. Чуть-чуть для вдоха.
Иду по роли. Пока не плохо.

Ссылаясь на Блока

Это же вовсе неправда.

И ничего не меняется.

Поэт все также беспутен и кажется слишком печальным.

А голуби на окне все также друг с другом целуются.

И снова поэту хочется быть на их месте отчаянно.

Вот глядит в окно девушка.

Такая же грустно-прозрачная.

И думает, будто любит. Его пустого и взрослого.

Выношенного своими стихами.

Всеми днями проточными и невзрачными.

Девушка.. Девушка. Ты любишь его? Не правда ли.

А у него все то же.

Аптеки, подвалы, набережные.

И черт со всеми, кто скажет хоть единое слово против.

Девушка, ты встретишь другого – не так глубоко поранен-

ного.

Однажды, когда-нибудь.

Когда все будет совсем иначе.

Сусальный ангел

Но ангел тает. Он немецкий.

Ему не больно и тепло.

А. Блок

Там догорает все, что живо.

Там тает в дымке неживое.

И в детской сказке как-то лживо

Мед-пиво жалуют герои.

Христос глядит глазами бога

И сострадает. Так сложилось.

А у меня опять из слога

В груди полслова закружилось.

Сусальный ангел станет лужей.

Сгорят душа и чувства в пепел.

Скорей же тай! Кому ты нужен

Воск обращенный в человека.

И попрежнему слепа Луна...

И попрежнему слепа Луна,
А давно бы стоило прозреть
И понять, что истина одна,
Если жизнь одна, а дальше смерть.

И как раньше серый ледоход
С грохотом покатит по Оби.
Вот еще один надтреснут год,
Дальше только волны и круги.

Солнце врет... как раньше... как всегда,
Каждому и всем наперечет.
И ослепла оттого Луна,
Что привыкла, когда Солнце лжет.

Звезды

Вот снова упала, и я загадал
Выйти живым из боя!
Так свою жизнь я поспешно связал
С глупой звездой.

В. Высоцкий

Троссирующие. Звезд не видно. Ночь светлее.
Травмируют, хотя в соседа прилетели.
И падают, и отлетают к богу души.
Но богу недосуг молитвы слушать.

Земля и кровь, а в небесах чужие звезды.
И пулям кланяются все, кому не поздно.
Вот поклонился навсегда парнишка слева.
Свалилась вниз его звезда. Ночь потемнела.

Ты звонишь между двумя сигаретами...

Ты звонишь между двумя сигаретами.
Между двумя встречами.
Между "должен" и "можно".
И так годами. Или лучше летами?
Неподходящим вечером.
Когда все смутно и ложно.

Ты глядишь за мое плечо при встрече.
Между взглядом и взглядом.
Между признаньями.
День за днем. Мне не становится легче.
Ты как раньше не рядом.
Тишиной и молчаньями.

Мне хочется тебя и немоты...

Мне хочется тебя и немоты.
Все вымолчать от тошноты до дрожи.
И верить, что молчание поможет
И растворится. И настанешь ты.

Т. Сальникова

Мне хочется тебя и немоты,
Соощений общности до дрожи,
Касаний пальцами сухой прохладной кожи
И исполнения несказанной мечты.
Мне хочется капелей на лице
И воспаленных губ от поцелуев,
И ревности (почти что не ревнуюя),
И горечи, что вяжет нас в конце.
И если все не сожжены мосты,
Приди за мной в "прошедшее" июля,
Где мы чуть-чуть друг друга обманули.
Я жду тебя и счастья немоты.

В кроватке Мэри уже больше Мэри чем крови...

В кроватке Мэри уже больше Мэри чем крови,
И на диване уже больше лежа чем сидя.
Тебя штормит и ты супишь черные брови.
Как хорошо, что нас таких никто не увидит.

Сейчас пойдут разговоры о смысле жизни,
О том, что детство прошло, и это, в целом, хреново.
И эта Мэри ужасно путает мысли.
И под луной как известно всегда все не ново.

Спасем друг друга, вжимаясь губами в губы.
И всем понятно, куда приплывет наша джонка.
А утром мир прояснится похмельно-грубо.
Не забывай – жена твоя ждет ребенка.

У города нынче сезон дождей...

У города нынче сезон дождей.
Оплаканы дни и промыты насквозь.
Он снова под богом и снова ничей:
С собою и солнцем сегодня поврозь.
У города нынче сезон простуд.
Так вышло, не к сроку, не по часам
Вершится природно-погодный суд.
Иск мира земного пустым небесам.
У города нынче хандра всерьез,
А с ним загрустил о простом человек.
Хотелось напиться небесных слез,
Сойти в облака, да окончить забег.

Все на свете проходит...

Все на свете проходит,
Незаметно проходит.
И уже не щемит неслучившейся встречей.
Нервных строчек пурга больше не хороводит
И спокоен и ясен вкатившийся вечер.

Ты живешь как живешь.
Я живу как умею.
Не прошу ни займы, ни пустых разговоров.
Наше прошлое стало похоже на тени,
А вокруг суета, пустота и раздоры.

Я исчезну в былом.
Стану тусклым портретом,
Что повесит в душе твоя гибкая память.
Так-то, милый, ни правды, ни слов, ни ответов,
Чтобы больше души твоей тонкой не ранить.

Ничего, ничего не теряется...

Ничего, ничего не теряется.

Жизнь бежит, как капель в день апрельский.

Ничего, ничего не меняется,

Кроме частностей прочно житейских.

И в тебя утыкается нежность

Всех обид пережитых "на грани".

Та же нервность и та же небрежность,

Словно вечный булыжник в кармане.

Ничего, ничего не проходит,

А порою так важно забыться.

Я иду по неверной дороге,

Чтобы снова к тебе возвратиться.

Аллюзии и реминисценции

Сидим, молчим. Я разливаю чай.
Зачем приехал? И зачем остался?
Да ладно, не грусти и не скучай.
Дался нам этот вечер! Или дался?

Ну, как дела? Как жизнь? Успехи как?
И ночь нежна? И грусть в воде холодной?
Я все еще живу тобой, чудак,
И оттого "живу" такой свободной.

И жизнь игра, и я большой игрок.
И шип в груди не вытащить – застрял.
О, как ты глуп и вечно одинок
Мой несравненный "Ральф де Брикассар".

Так уж вышло изъян души...

Так уж вышло (изъян души),
Что мне любится без остывания.
Хоть ломаются карандаши,
Хоть меняются расстояния.

И, увы, не смогу сказать,
Никогда уже просто "друг".
Мне не нужно уметь рисовать.
Прочно замкнут событий круг.

Прочно связано два в одно:
Его: "Прыгай!", мое: "Лечу!"
Так сложилось давным давно
И иного я не хочу.

Вот и лето сгорело в зареве...

Вот и лето сгорело в зареве
Что сказали мы, не сказали мы
Пьяный ветер уносит в мареве
Незнакомых и злых широт.
И не зажило все сгрешенное.
Не забытое, но свершенное.
Мне с тобою давно решенное
Обрекается на излом.
Отпускаю цветы по линии
Дальше в кожу врезаться синими
Словно вены кривыми длинными
Вспоминаниями про жизнь.
Обрекайся и майся сызнова
Не случилось мне горькой тризною
Постоять возле гроба избранной
Поминальщицей чувств и вер.

Постоим рядом, поживем обще...

Постоим рядом, поживем обще.

А сквозь ток взглядов вечность все ропщет.

Помолчим светло, примостим жизни.

Бьют в окно ветки. Дождь в карниз втиснут.

Не всерьез вечность, и не нам полнить.

А на вдох легче покорять волны.

Поживем обще,

Постоим рядом.

Нам, родной, в общем, что еще надо?

Он не вернется

"Он не вернется. Ему не надо"
И снова осень нежней чем лето
И снова лица и снова взгляды.
Но ведь не в этом же.. блин, не в этом.
Расхлопнет ставни, расверзнет хляби.
Кому держаться за край ковчега?
Ему не надо. Ему не надо!
И к черту! Водки стакан и хлеба.
Ну, что ты вьешься, как проститутка
Вокруг души золотым нарядом?!
Все ерунда. Говорю же – шутка!
По мерке я... а ему не надо.

Перекресток

Играют на струнах моей души,
Импровизируя, боги.
Ты уходить пока не спеши -
Не исчезают дороги.

Те, что ко мне – уже пройденный путь.
И ни к чему возвращаться.
Что от меня – на время забудь -
Я не хочу прощаться.

Стоит еще постоять чуть чуть,
Поговорить о разном.
Ну, а потом... Я – в путь. Ты – в путь.
Поодиночке, ясно.

Горизонтальные танцы

Губы на теле, на коже,
На мягком, на выпуклом, влажном.
В венах волна до дрожи:
В стоне, в дыхании каждом.
Руки, ладони, пальцы.
Жар и почти смятенье.
Горизонтальные танцы.
Мы продолжаем движенье.

Еще немного. шаг до безумья...

Еще немного. Шаг до безумья.
Тела не знают боли раздумья.
Душа не помнит горечь прозренья.
И нет иного мне откровенья.
На коже пальцев все гимны света.
В касаньях губ моих все ответы.
и в ритме тел все свились проклятья.
А после сон... и твои объятья.

Только эта ночь и эти звезды...

Крест деревянный иль чугунный
назначен нам в грядущей мгле...

Не обещайте деве юной
любви вечной на земле!

Б.Окуджава

Только эта ночь и эти звезды.

Ты представь, что утро не настанет.

Ты представь, что завтра будет поздно

И целить, и ненарочно ранить.

Только миг и только эти губы.

Ты представь, что мир окончен нынче.

Ты представь, что кто-то слишком грубо

Оборвет одну из наших жизней.

Только воздух, только сумрак тела.

И не нужно в завтра оправданий.

Я в тебя в последний миг влетела

Всем огнем беззавтрешних желаний.

На блюзовой мелодии из сна...

На блюзовой мелодии из сна
Качался мой набитый хламом дом.
Сегодня не случилась я одна,
Он приходил и оставался ОН!
И пальцев бег по коже, между тел,
Прижатых кожей, к влажной коже рук.
Он говорил, что встречи не хотел,
И все шептал, что только дальний друг.
Губами находил, ловил, сжимал,
И отпускал на волю жар и стон,
Сегодня он пришел и удержал
На блюзовой мелодии мой дом.

Тело в тело, губы в губы...

Тело в тело, губы в губы.
Будь со мною жадно-грубым.
Расплавляй дыханьем кожу.
Нынче все легко и можно.
Слабость утра, губ касанье.
Ложь, тревога, обещанья.
Ждет такси. -Пока! -До встречи!
Чье-то тело, новый вечер.

С закатом

Губы твои – по коже. Вниз.
Влажно и нервно – вдоль по ключице.
Коршун-закат над нами повис.
Хищной, как всё неизбежное, птицей.

Я отмолю этот грех за двоих:
Богово богу – телу земное.
Стон, о плечо твое ранившись, стих.
С этим закатом мы пара, где трое.

Горечь случайных неправых минут.
Сладость горячей влажнеющей кожи.
Черт! да какой же, ей-богу, ты друг!..
Меньше заката, что нас перемножил.

Тек алый сок по розовым губам...

Тек алый сок по розовым губам,
Деля весь мир на тысячу цветов.
И был обожествлен в тот миг Адам,
Когда касался Евиных сосков.

Невечный день, невечный человек.
Дрожанье мышц и пьяный жар объятий.
И в райский сад вдвоем шальной побег,
Когда сползают с плеч бретельки платья.

Ночь

Лениво губами от узких ладоней
До розовых спелых сосков.
Мы плавно, дремотно, неспешно затонем
Средь страсти зыбучих песков.
Безвыходно жарко, так солоно-влажно
Губами вжиматься в плоть.
Осколками страсть, как острая жажда,
Под кожей будет колоть.
Все вымрет на миг, а по телу покатит
Волной первородный грех...

Рассвет. Я ищу в полумраке платье.
Ты прячешь смущенный смех.

Телесное

Лихорадка твоих влажных губ
На моем отвечающем теле.
Ты так нежен, так бережно-груб,
Проходя мои броды и мели.
И дрожит частым пульсом висок
Под горячими пальцами нервно.
В этот миг, этот час – ты мой бог.
Мой единственный, лучший и первый.

Губы высушит страсть и мольба:
Быть с тобою. Плотнее. Единым.
Навсегда, мой чужой, навсегда.
Стать податливой теплою глиной

Пальцы твои, нежные, теплые, томные...

Пальцы твои, нежные, теплые, томные
На коже груди, вздрогнувшей от касания.
Эта ночь пусть считает, что мы влюбленные.
Эта ночь соучаствует в тел узнавании.

Я ловлю на губах твоих стон моего ожидания.
Вместе с горечью кофе и влажной волной наслаждения.
Чуть царапну зубами, и где-то под сердцем пораню я
ранним утром, когда растворюсь предрассветную тенью.

Два дыхания становятся одним...

Два дыхания становятся одним,
Кожа влажно приникает к коже.
Все, что будет завтра – это дым,
Пусть сейчас тебя он не тревожит.

Губы спелые, горчащие на вкус,
Прижимающие стон к моим губам.
Все, что будет завтра, будет пусть.
Я ему сутра тебя отдам.

Я никто. Я пойманная тень
Сновиденья, что тебя тревожит.
От тебя возьму в грядущий день
Только чувство с кожей слитой кожи.

Ее круглые плечи, ее белые груди...

Ее круглые плечи, ее белые груди,
Ее взгляд затаившейся львицы в саванне.
Что-то будет сегодня. Я верю, что будет.
Душный жар темноты, сладкий плен вечной тайны.

Мятый цвет простыней. Губ по коже узоры.
В настороженном взгляде мольба о спасении.

Будет утро. Стыдливость. Неловкость. Укоры.
Избеганье. Прощанье... И вновь возвращенье.

Я тебя не хочу обидеть и поэтому...

Я тебя не хочу обидеть и поэтому... будем друзьями.
Это очень легко. Запомни. Этот вечер сегодня наш.
Я снимаю твою одежду. Я целую твои ключицы.
Я касаюсь тебя руками в самых горько-запретных местах.

Я тебе нашепчу признанья, да такие, что будут таять
У тебя меж душой и сердцем, словно бархатный шоколад.
Я тебе подарю забвенье от долгов и от обязательств,
От постылой твоей свободы, что пока полежит в углу.

Я тебя не хочу поранить, так что, славный, не будем друзьями.

Будем в этой ночи так близко, чтобы помнить о ней всю жизнь.

Мы расстанемся до рассвета, мы простимся до новой встречи,

Мы друг друга быстро забудем, но не ночь, не пьянящий ад.

Прилетают серые птицы...

Прилетают серые птицы
Клевать ярко-алые ягоды.
Я хочу тобой притвориться
Да ступить под зимнюю радугу.
Чтобы встать в проеме и выкрикнуть
Про любовь и прочие случаи,
Чтобы спину гордую выпрямить
И отныне больше не мучиться.
На чуть талый снег оступиться,
В потолок небес глядеть, падая.
Улетают серые птицы,
Доклевав последние ягоды.

Всякая смерть проходит...

Всякая смерть проходит.

Всякая жизнь вершится.

В данности как в хороводе

Наши кружатся лица.

Всякое слово вечно.

Всякая мысль минутна.

Здесь и сейчас, конечно,

Многое зло и мутно.

Все облетит листвою.

Данность легко простится.

И в пустоте покоя

Наши исчезнут лица.

И не секрет, и каждому известно...

И не секрет, и каждому известно -
Со временем все кажется тем проще,
Чем дальше, чем мутней и бестелесней
Знакомое на вкус, на вдох, на ощупь.
И видится нелепою задача -
Кого любить, кого оставить с миром.
Вот только звезды летним ливнем плачут,
Да небо кажется подвально-затхлым тиром.
Послушай! Мы ведь тоже постареем?
Как все до нас и те, кто будет позже.
И на своих в конце повиснем ряях
Мешками неоформленных вопросов.
А ветер знает, что любить нелепо.
И ждать вестей о тех, кто нами прожит.
Но я держусь все так же зло и слепо
За всех, кто память перед сном тревожит.

Болею...

Болею.

Третий день. Не тяжело и тем противней.

Мотаюсь.

Неприкаянно и нервно по квартире.

Жалею.

То себя, то проползающее время.

Роняю.

Бутерброды в одеяло на колени.

Читаю.

Детективы в мягкой глянцевой обложке.

Готовлюсь.

Стать на завтра как обычно хищной кошкой.

Болею.

Третий день от туалета до постели.

Жалею.

К черту! Ни о чем я не жалею.

Как с рыси на галоп сбоящий конь...

Как с рыси на галоп сбоящий конь,
Так жизнь несется по шальному кругу.
Я чья-то полуверная подруга,
Ступающая босиком в огонь.
Натянутая первую струной
На дорогом грустящем фортепьяно,
Звучу как правило легко и без изъяна
Одной и той же нотой параной.
И мне легко, как детям у воды,
Мечтающим взлететь к галдящим чайкам.
Я понимаю, что вполне случайна
На круге, где со мной столкнулся ты.

Лед-9

Лед-9. Воссоздан. Запущен неспешно по венам.
Слетают запреты на право войны и измены.

Целуют губами в висок, собирая усталость.
По ребрам течет ожиданье всего, что осталось.

У кошки не будет на крыше своей колыбели.
Ревниво меня отпускают в чужие постели.

Обломки, останки живого на белой вершине.
Лед-9. По венам. Мы зря, как всегда, поспешили.

Дыши, смотри в глаза мне и слушай...

Дыши, смотри в глаза мне и слушай
Все то молчанье, что проживается.
Не так уж, верно, бессмертны души.
Не так уж часто нам "быть" случается.
Дыши, смотри на меня, волнуйся.
Не все прошло и не все забыто.
Моей влюбленности юной буйство
Сейчас смешно и совсем избито.
Дыши, смотри сквозь на повторенья
Того, что было и не случилось.
Я помню все свои сны-моленья,
Как мне терзалось и как любилось.

И кто-то мне скажет Здравствуй...

И кто-то мне скажет: "Здравствуй". И кто-то кивнет: "Пока".

В извечной терпения чаше – не кровь, а пока вода.

Секунды искристой пылью рассыплет чья-то рука.

Нахмурятся, расплзаясь, ленивые облака.

И кто-то со мною рядом пойдет, примеряя шаг,

А в тысячах летних радуг услышится общий такт.

И ты меня встретишь: "Здравствуй". И я тебе вслед: "Пока".

В огромной терпения чаше чуть-чуть замутилась вода.

Не верю... не помню.. не знаю...

Не верю, вот знаешь, не верю
(И это, как видно, знаково),
Что мы с тобой оба не звери,
что в детстве, случилось, плакали.
Не помню, вот знаешь, не помню
Ни нежности, ни желания.
Мы оба досрочно-условно
Обязаны, друг, к покаянию.
Не знаю, вот слышишь, не знаю
(И знать не хочу, чем дышишь ты).
Я раньше была живая!
А нынче из жизни вышибли.

Я докурю последнюю сигарету...

Я докурю последнюю сигарету,
Допью остатки теплого пива к Утру,
И ты, любимый, бывший звездой и светом,
Мне перестанешь помниться поминутно.

Потом случатся многие дни и лета,
Другие встречи, пробежки перед закатом.
Вот я придумаю ложь, а ко лжи ответы,
И буду жить, ведь жилось же мне так когда-то.

Пристойно-гордо себя подправлю речами,
Учту всех ближних и даже дальних советы.
Одно не в стрОку: ты так и снишься ночами.
И я, увы, совсем не курю сигареты.

Меняю

*Я поменял свой день на ночь
по очень хреновому курсу (с)*

Меняю все ночи на дни. По любому курсу.
Кто хочет? Машин огни по стенам. На стенах – пусто.
Проспекты и фонари. Снег, листопад, дождь.
Мысли мои-твои. И рядом все та же ложь.
Меняю свой нервный день на сотню чужих ночей.
По левую руку тень меняю на всхлип речей.
Коротких, ломких, пустых. Впитавшихся в плечи твои.
Меняю на этот миг все ночи... и даже дни.

Со спины

Можно полюбоваться тобой:

Со спины, – взъерошенным, прекрасным?

Все между нами давно просто и так не ясно.

Знаю, что скажет любой:

"Брось. Не майся. Так проще!"

Только меня тобой словно дождем полощет.

Я постою – погляжу тебе в спину.

Мимо идущие пусть

Идут мимо.

Выкатится солнце на ладонь...

Выкатится солнце на ладонь,
Рыжей гривой землю обласкав,
Зацепив лучами кудри крон,
Высушив слезинки с жестких трав.

Выжарит обиды и тоску,
Словно бы и не было беды.
Я по разогретому песку
Выслежу дорогу до воды.

А вода подхватит тихий вздох,
Превратит в барашеки волны.
Знаешь, этот мир совсем не плох,
Даже если в нем не сбылся ты.

Скрипка

Ты слышишь? Это скрипка Страдивари.

Она поет. и звук горчит в букете.

Она вздыхает о далеком веке,

О бархате, духах и киновари.

О редких книгах и молитвах частых,

О лицах прошлых в бурных капюшонах,

О визгах кошек и умерших столах,

О теплых фресочных воздушных красках.

О запахе свечей вздыхает скрипка,

О звоне меди о брусчатку храма.

О неизменном детском: "Мама! Мама!"-

Поверх латыни читанной молитвы.

Еще о пальцах сотен музыкантов,

Что так сильны, порывисты, надменны.

О том, что мы от века неизменны:

Как много мечт, обманов и талантов.

А у этой дамы сентябрящей...

А у этой дамы сентябрящей
Кисти в темном золоте браслетов.
Посреди лесной далекой чащи
Бросила она подругу-лето.

И забордовела, растерялась:
Как же быть одной на этом свете?
А браслеты, падая, ломались,
Словно память о забытом лете.

Ты вертел листок опавший в пальцах
И молчал, устав от недомолвок.
И казалась мне толпой скитальцев
Зелень в осени застывших елок

Я помню этот странный, горький вкус...

Я помню этот странный, горький вкус,
Что с губ твоих в мои въедался губы.
Я не боюсь любить, но я боюсь,
Что никакой любви уже не будет.

Я помню силу ветра, мерный шум
И стуки веток в рамы на балконе.
Я нагрешилась, больше не грешу,
Но, кажется, ты этого не понял.

Еще я помню долгий разговор:
Никчемность фраз, бессилье повторений.
Что между нами было? Тлен и вздор,
Да горечь губ, да острота прозрений.

От запретных страстей слишком тяжек похмельный рассвет

От запретных страстей слишком тяжек похмельный рассвет,

Только губы в ночи тем сладки, что наутро обманут.
Между нами так много необщих надежд и побед,
Что они не разглядятся, мальчик, твоими руками.

У тебя впереди очень много: успех и провал;
Миг удачи и долгие-долгие дни непризнанья.
Мальчик мой, ты еще никого ни за что не продал
И веревка Иуды покоится где-то в кармане.

И поэтому ночь, и поэтому тайны любви,
И чудные слова, и до боли родные объятия,
И рассвета морока, и сердцу дремотно в груди
Под твоею щекою, прижатой ко мне как к распятью.

Скоро будет обрыв, черной бездной пустой разговор.
Поцелуй, когда ты меня ни за грош уже предал.
Но пока что я здесь, в тишине, и до края с тобой.
И еще не случилась похмельная горечь победы.

Зимнее лимонное

Лимоном пахнет от цветка на подоконнике.
Виток судьбы. И мы опять с тобой любовники.
И как и прежде жизнь – игра, свобода – выигрыш.
И как и прежде я твоя на время, видишь ли.

До новой радости любви с тягучей горечью,
До новых выстрелов минут и чувств на "на троечку",
До новых призраков надежд и обольщения.
До забывания себя и отречения.

Что пожелать на Новый Год? тебе везения
От повторения меня и потрясения,
От непризнанья моего и от признания,
От обещаний на бегу и забывания.

Что пожелать на Новый Год? Оставить прошлое.
Я не святая, не родная, не хорошая.
Забывать, что где-то есть мой дом, в нем подоконники
И что когда-то были мы с тобой любовники.

Сокровенность ночи

Нежные чужие руки.
Дождь смывающий долги.
У судьбы финты и трюки.
Время, щурься мне и лги.

Губы, мягкие, чужие,
Тем нежней, чем откровенней
Боль объятий, что служили
Отпущением сомнений.

Нервность вдохов, горечь кожи.
Бесподобность неприличья.

И рассвет, что нас стреножит -
С ним потребность воли птичьей.

Утро

Три лестничных пролета вниз в едва начавшееся утро.

Ну что же, мой вчерашний принц, Вас буду помнить по-минутно.

Короткий вздох, короткий смех. Дым сигаретный в светлой гриве.

Ну что же, мой вчерашний принц, Вы невсерьез меня любили.

Три поцелуя у дверей в начало дня и повторений.

Мой принц, мне богом не дано великой радости мучений.

Вечер небытия

Все мы странники здесь, блудницы.
Как невесело вместе нам.

А. Ахматова

Мы циничны, и очень горек
Дым опаловый сигарет.
И мутит от разных настоек
И тошнит от пройденных лет.

Я надела длинное платье,
Чтобы выгладеть и сражать.
Я вжималась в чьи-то объятия,
Не имея силы сбежать.

Ты курил устало и длинно,
Глядя мимо, поверх меня.
Будто снова белая глина
Обжигалась о жар огня.

Уносила пламя объятий,
Дым опалово-едких лет.

В легких складках длинного платья,
Вместе с запахом сигарет.

Алые паруса

У портовой шлюхи ярко-алые губы,
Точно в цвет парусов, что ждет каждый день Ассоль.
Все мечты сладки и сладостью жарко грубы,
Тем желанней, чем ближе схождение утром " в ноль".
На моих ладонях – память твоей улыбки.
Словно кто-то в детство открыл, пошутив, окно.
Сны об алом парусе вечны, яркие и зыбки,
И привычно горько твое на губах вино.

Игра в бисер

Бумага расчерчена синими строчками.
Играется в бисер идей и понятий.
И все для того, чтобы кончилась точками
Моя суета не моих восприятий.

Придумать свое удастся так редко.
И, видимо, косность опять побеждает.
Слова – это та же незримая клетка
Для волка степного, что с ними играет.

Вложи свои пестрые мысли-осколки
В фигуры мои. Для побед и свершений.
И если удастся, то ярко и звонко
Откроется нам правда новых решений.

Ремесло

*А днем смеяться. И, не беспокоясь,
Все отшивырнув, как тягостный мешок,
Легко вскочить на отходящий поезд
И радоваться шумно и смешно.
Борис Смоленский*

Есть ремесло – не быть рабом привычки
Всё вычитать из уравнений дней
И предаваться ревностно обычьям,
Чтоб оставаться там, где попрочней.
А после сунуться с ушами в стылость ночи
И громко рассказать, как повезло.
Быть чуть безумней сотен тысяч прочих.
И точно знать, что это ремесло.
Вскочить на поезд, что летит в события,
Быть лучшим всем завистника назло.
И ежедневно совершать открытия,
Чтобы быть собой.
И это ремесло.

Междомыслие

В этой нелепой жизни, где все обличающе строго,

Я остаюсь потерянной между тобой и богом.

У мужчин всегда есть тезисы, правота, да игрища в смысл
и сути.

А у меня пустота, вспышки солнца и перепутья.

В этом слепом движении, где всё упирается в стену,

Я остаюсь подверженной всякому злу и тлену.

У природы всегда есть осени, убеленность зим, возрожде-
ния.

У меня безвозвратность, прошлое и обязанность восхож-
дения.

В этой немой влюбленности, где слова бессильны. Я ря-
дом.

Замершая, лучистая – между тобой и адом.

Зимняя ночь

Полулуние, многозвездье, белый снег.
По проспекту в ночь идущий человек.
Не влюбленный, не забытый, не святой.
Человек плывет по ночи сам собой,
Словно только-только мама родила
И еще не пропыленная душа,
И не предан, и пока не предавал,
Ни обид, ни обольщения не знал.
Полнолуние, многозвездье, белый снег,
А под снегом белый-белый человек.

Что не отпущено

Что не отпущено, то камнем тянет вниз.
Я отпустила. Не легко, но все же...
Другие губы, руки, плечи, кожа.
Других имен в мобильном длинный list.

Что не отпущено, то мучит и болит.
Я отпустила. Навсегда, бесслезно.
Не стала ни жестокой, ни стервозной
Одной из многих сук-кариатид.

Что не отпущено, то порождает страх.
И мне уже давно другие любви.

Но в снах опять твои с горчинкой губы
Все ищут нежность на моих губах.

Два синквейна

Дело

Настоящее, важное

Развивает, требует, вяжет.

"Заберет и отдаст тебе равно".

Вдохновение.

—

Радуга

Многоцветная, детская,

Обольщает, радует, прячется.

"Словно сказки волшебные собраны"

Капли теплые

Ступеньками

Пожаловаться бы,

.....что стихи не идут горлом,

.....я стала нервной и

сонной.

В этом вареве пустоты.

Пораниться бы

.....о твое колючее слово,

.....о сознание, что все не

ново,

А внутри развели мосты.

Потешить бы

.....себя мимолетными встречами

.....месяц, неделю, ве-

чер ли.

И чтобы не снился ты.

Закрыто на зиму

Закрыто на зиму.
Все чувства в отпусках.
Кому не лень глазеть -
Глазейте мимо.
Душа – в починке,
Мысли – в сундуках
У тех, кто их украл,
Ходя в любимых.
Закрыто на зиму.
Проверки и контроль
Пройдут в предмартье
В ожиданьи чуда.
И из забвенья
Первой вкатит боль,
За ней – любовь
С очередным Иудой.
Закрыто на зиму.
А значит не мутит
Невстречами
И встречами тем паче.
У сердца, слава богу,
Четкий ритм.

И я ни по кому
В мороз не плачу.

Ты должен мне небо...

Ты должен мне небо,
То самое синее небо,
Каким оно было до встречи с тобой.
Оно безразлично к дождям, и метелям, и снегу,
К тому что есть быль и к тому, что считается небыль.
То синее небо, где свет, а за светом покой.

Верни мое небо,
Прозрачно-стеклянное небо,
В котором я видела все свои сны и мечты.
Я завтра поверю, что ты никогда рядом не был.
Я, молча, поставлю стакан и, накрыв его хлебом,
Скажу: "В этом небе теперь отражаешься ты".

Монолог

Только когда так долго и больно...
Можно сказать, как я любила.
Только один раз забыть про роли
И быть избыточно искренней, милый.

После наших с тобой редких, теплых, горьких свиданий,
Когда закрывалась дверь в темноту подъезда,
Я каждый вечер до рвотных спазмов рыдала,
Понимая, как все извечно и бесполезно.

Как брала в горсть таблетки, их бы хватило
Для встречи в адском котле с другими уставшими.
Ты знаешь, я все еще здесь, я победила,
И мы до сих пор берем один чай с двумя чашками.

Только когда ничего не закончено,
Ровно один раз можно быть искренней.
Между нами все так истонченно-заточено,
Что мы будем вечно отчаянно близкими.

Молчание

Горячий кофе поутру,
И снова что-то недосказано.
Ты знаешь, я тебе обязана.
Ты знаешь, я тебя люблю.

Мы напрямик, через дела,
Врываясь в судьбы меду прочим.
Ты знаешь, жизнь с тобой короче.
Ты знаешь, я тебя ждала.

Размыто полотно дорог
Вечерним полусном-туманом.
Ты знаешь, не зажили раны,
Что ты нанес мне, так как смог.

И снова кофе на губах
Горчит молчанием и домом.
Мы так давно с тобой знакомы,
Что больше силы нет в словах.

Тебе останутся стихи и письма...

Тебе останутся стихи и письма,
Неразделенность сотен разделений.
Мне – карандаш, листы бумаги, кисти
И череда растерянных сомнений.
Я буду счастлива. И это безусловно.
С другим – возможно. Не с тобой – наверно.
И в новых строчках чуть проступят кровью
Растрепанные до мочала нервы.
Ничто не вечно. Ты меня обяжешь
Любить тебя и проживать с другими.
Читай стихи, когда несносна тяжесть
И замолкай, мое услышав имя.

Смертный грех

Твой смертный грех.
Касаюсь нежно губ,
Губами выпивая сладстрастье.
Твой вечный крест,
Что на плече так груб,
Что в зной саднит и в кровь сотрет в ненастье.
Твой адский круг,
Наверное, седьмой.
И ложь не защищает и не лечит.
Твой нежный друг,
Который под луной
Вышептывал всю страсть тебе на плечи.
Извечный сон.
нетленная мечта.
Земная слабость: то Лилит, то Ева.
Я говорю о том...
Бог никогда
Не судит нас – он женщиною не был.

Фарсы за чаем

Жизнь – постановка пьесы Ионеску,
Где в проигравших остается зритель.
И я топчусь, пришпиленная к месту
Несвязанностью мыслей и событий.

Жизнь – фарс за гранью недопониманья,
Где роль не помнит своего актера,
Где каждый ждет признанья и вниманья,
Не ведая про цели режиссера.

Жизнь – извращение всего, что извратилось.
И ты меня смехи до боли в ребрах.
Быть может, я тогда и воплотилась
В не-зрителя среди толпы актеров.

Сплеснула нечаянно душу...

Сплеснула нечаянно душу,
Но ты послушай,
На то и уши,
Мне будет лучше,
А сердцу глуше
Стучать в груди.

Я расскажу о прошлом,
Что ты хороший,
И будет проще,
Но разве ропщут
На боли стон.

Я тороплю вечность
Своей речью
До новой встречи,
А вдруг подлечит
Она меня.

А боль твоя, увы, не стала тише...

А боль твоя, увы, не стала тише,
И я ее все так же остро слышу,
И я ее все так же ненавижу,
Как в самых первых наших общих днях.
А я тебя люблю в зрачки обманом,
А я все так же замечаю раны,
А я как прежде, понимаю рано
Тебя жалеть и, может быть, спасать.
А ты все тот же глупый и жестокий,
И все такой же грустно-одиноким,
И, видимо, не истекают сроки
Моей любви и нежности твоей.

Расстояние

Просыпаться так мутно и муторно,
Потому что без завтра и прошлого.
Утро сыплется тихо минутами,
Словно острыми снежными крошками.
Начинаться кофейным приветствием
На губах постороннего милого.
Безответственность – тоже ответственность:
Не держаться за жизнь нелюбимого.
Предра рассвет, предбоязнь неизбежного.
Рук родных в раннем сне чуть касание.
Вот и все: новым утром забрезжило.
Расставание. Расстояния.

Осень

Ветренно. Осень. Дождь наискось в стекла.
Вечер. Темнеет. И губ твоих тайна.
Блеклые дни или сердце поблекло
Без ощущений запретных и тайных?
Рук твоих тяжесть, чувств твоих юность.
Осень стучится дождем бесприютно.
Мне бы хотелось, чтоб что-то вернулось,
Трепетно, горько, светло, неотступно.
Хмурый рассвет чуть светлее, чем вечер.
Пообещай позабыть меня скоро.
То, что не лечится, ты не излечишь:
Осень, усталость, расчетливость, город.

Не хочешь болеть – не надо...

Не хочешь болеть – не надо.
И сыплется снова осень
Желтеющим листопадом
Сходящим в январскую проседь.

Не хочешь любить – не стоит.
И ветер листву срывает.
Уносит печаль с тобою.
Бывает. И так бывает.

Не можешь забыть. Я тоже.
И что остается? Память.
Да осень, что так тревожит
Дождями. Мечтами. Снами.

Мне бы все не отречься от тебя...

Мне бы все не отречься от тебя:
От того, что между нами не бывало.
От того, чего так много и так мало,
От того, что стало призраком огня.
Мне бы все не отречься от тебя.

Мне бы в этой кутерьме не позабыть,
Что на всех путях случаются привалы,
Что иной раз очень многое есть в малом,
Что не важно как, но важно, чтоб любить.
Мне бы в этой кутерьме не позабыть.

Мне бы помнить твои смехи между слез,
Темных губ в закате сумрачную спелость,
Что хотелось умереть в тебе, хотелось
До седин вдыхать тепло твоих волос.
Мне б запомнить наши смехи после слез.

И еще на краткий миг, когда забыв,
Став почти что неприступной, отстраненной,
Дать понять, что нашей горечи законной
Не закончен терпкий вермунтный мотив.

На секунду.. и почти что позабыв.

Дыхание неба

Иногда кажется, что ничего не хочется и не нужно.
Даже нашей на двоих памяти. Даже этой любви-дружбы.
И небо схлопнуто до атома, до протона.
И все, что осталось – бардаки, кабаки, притоны.
Вот тогда хочется вытряхнуть пыльный мешок-душу.
Вот тогда хочется: не знать. не помнить, не слушать.

А потом вечер – две пары кроссовок бредут по дороге.
И нравится обсуждать, насмешничать, трогать
Друг друга, гоня сибирских нахальных мошек.
И даже не знать – верить, что этот, хороший,
Действительно лучший из всех, кто был здесь и не был.
И чувствовать, как безгранично-огромно небо.

Когда я падаю на дно твоей души...

Когда я падаю на дно твоей души,
Как в кроличью нору лечу Алисой,
Я думаю, что ночи хороши,
Но до чего же яростны и быстры.

Когда я обрываюсь в странный мир
Твоих чудных, чудовищных иллюзий.
Я чувствую измученный пунктир
Морзянки сердца в междузвучьи блюзов.

Когда я падаю в тебя в закатный час,
Не ведая ни страхов, ни прощений.
Я слышу, как усталый бог для нас
Готовит долгий список отпущений.

Каково это быть тобой?

Каково это быть первым,
Кто скользит по моим нервам,
Как по рвущемуся канату?
Каково сорваться внезапно,
Зацепившись слегка за любовь?

Каково это быть главным,
Став чужой без причин кармой,
Неизбывной и безусловной?
Каково это быть стоном
На чужих горчащих губах?

Каково это быть точкой,
Первой точкой на сотни строчек,
Будто кто-то решил источник
Снов и дней своих обесточить?
Каково это быть тобой?

Заварочные кружки

Ты знаешь, а я по тебе скучаю.

Фоново. Между работой, заботами, личной жизнью.

Скучаю не остро, но так тягомотно-отчаянно,

Что кажется свет разлагаю зрчками как призмой.

Не пишу тебе писем, в ночи не тревожу звонками,

Потому что ты занят, ты должен так много и многим.

Между точкой, где я и где ты, все прошито прямыми путями.

Но сейчас будто нету ни троп, ни путей, ни дороги.

Я скучаю до нового года и дальше до марта.

Жду, звонка ли, письма ли пришедшего вдруг, невзначай.

Что хотела сказать?! Ты моя черно-белая карма.

И еще... я купила нам кружки – заваривать чай.

Нежность

Все доиграется пошло и невпопад.
И если меня вдруг спросят: "В чем твоя честность".
Я расскажу, что бывает один лишь взгляд
Большой, чем вся любовь и большой, как нежность.

Горечь, такая горечь по кромке слов,
Что рассказать кому-то – разрушить вечность.
Нет у меня вопросов про суть основ,
Есть только взгляд один и во взгляде нежность.

Если попросишь воздуха из груди,
Что мне отдать его? Забирай как прежде.
Что-то и нам положено впереди?
Только один лишь взгляд.. и во взгляде нежность.

Может быть...

Может быть, конец любви в прозреньи,
Отрезвленьи, отупленьи чувства,
В неспособности впадать в смятенье,
В осознаньи, что внутри все пусто.
Может быть, зенит любви в надсадности
Воплей сердца, в пламени объятий.
Может быть, зенит любви как данности -
Под распятым, или на распятыи.
Может быть. Я этого не знаю.
Жмусь душой к кресту твоих сомнений.
Слепну при тебе и воскресаю,
Горькой сединой твоей болея.

Пообещай мне надежду...

Пообещай мне надежду
На завтрашний день, на утро,
На голос твой поминутно
Звучащий внутри меня.
Пообещай мне, как прежде,
Встречать и любить некстати,
Твердить, улыбаясь: "Хватит!",-
На самом исходе дня.
Пообещай мне нежность
Такую, чтоб задыхаться,
Как в быстром кружении танца.
О горечь твою горчить.
Пообещай мне прежде,
Чем кончится наше время,
Что мы непременно сумеем
Друг друга неспешно любить.

Звезды августа

А звезды августа так робки, так дрожат,
Когда целуются в воде реки уснувшей,
Что как не верить в то, что наши души
Ночами вряд ли нам принадлежат.

И, может быть, вон там моя душа
С твоей сливается дрожа водой прибрежной.
И ты, такой родной и безнадежный
Ее собой укроешь не спеша.

И до рассвета будет гладь воды
Коробиться от общего дыханья.
И беречь мои воспоминания,
И приводить тебя в цветные сны.

Приходи

Приходи!

Я возьму твою руку.

Разверну ладонь.

Погадаю о будущем.

Я спрошу, как дела.

Расскажу, как сама.

И почувствую, любишь ли.

Приходи!

Я налью тебе чай.

Испеку пироги.

Притворюсь нежной сладостью

Буду слушать тебя.

И все так же любя,

Потакать своей слабости.

Золушка. Послесказочное

На хрустальных башмачках трещинки.
Бал закончен так давно, что забылся.
Стала Золушка обычной женщиной,
От которой, мог бы принц, открестился.
Из пеленок дочки выросли в платия.
И свои балы у юного принца.
Вышла Золушка хорошею матерью,
Но от этого спокойно не спится.
Как ей хочется кружиться в объятиях
Сильных рук под восхищенные взгляды
И забыться, что вечернее платье
Станет к полночи убогим нарядом.
Но на туфельках венозные трещины.
Мемуары по лицу пишет время.
Счастье детям по наследству завещано,
Как подарок, как надежда, как бремя.

ЖИЗНЬ ПОЖИТЬ

Жизнь пожить, наверно, стоит так,
Чтобы было, чем похвастать богу.
Чтоб по карте вычертить дорогу,
На которой ценен и пустяк.
Жизнь, быть может, стоит жить не так,
Как за нас историки напишут,
Всех впихнув во временную нишу,
Где побасенок, пожалуй, больше врак.
Жизнь пожить, чтоб раз недели в две,
Сидя на полу, к стене прижавшись,
Рассказать о прошлом набежавшем
Как песок в моей шальной судьбе.

Отдать

Что не дожил, не прочь я тебе подарить,
Но другим эту жизнь должен.

О. Митяев

Снег сыплется и сыплется. Метель.
Март ежится последней непогодой.
Я погружаюсь снова в канитель
И диссонанс с собою и природой.
Снег тает на щеках и на бровях.
Кроссовки белым увязают в белом.
Я заблудилась в выбранных путях
Между мечтами, чувствами и делом.
Поплакаться хочется, и небу прокричать,
Что жить всегда до запределья сложно.
Все, что не дожито, мне взять бы и отдать,
Но небо знает – это невозможно.

Какая-то непруха, право слово...

Какая-то непруха, право слово,
Быть может, это просто признак дня.
Хороший друг предаст тебя не ново,
А на ходу и мимо проходя.

И можно вдаться в словеса о чувствах,
О верности, о зле и о добре,
Но продан ты, и это, как ни грустно,
Привычным стало в пыльной суете.

За что судить? А главное – нет смысла
И на бессилье нужно столько сил.
День тянется: не медленно, не быстро.
Между надеждами и цепью их могил.

Все говорят, что время лечит раны...

Все говорят, что время лечит раны,
Любые раны, даже несквозные,
Что забываются обиды и обманы,
Что все пройдет, покуда мы живые.
Все остается в прошлом – позже, раньше.
Становится тенью за спиною.
И я когда-нибудь, став чуть мудрей и старше,
Смогу мирить себя с самой собою.
Ну а пока, и взор, и мысль к зениту,
И губ насмешливость, и тяжесть светлых чувств,
И все болит, и все не позабыто,
И я с собой никак не помирюсь.

Точки над е

Время вскрывает вены изнутри.
Неумолимо и безразлично. По счету "три".

Кровь вытекает словом в клетки страниц.
Кризис неузнавания лиц.

==

Ты ли мне друг, милый? Подтверди.
Время подрежет жилы. По счету "три"

Вытряхнет самомнение в ноги другим.
Все-то на этом свете – дым.

==

Поговорим немного о бытие,
Не расставляя точек над "е".

Bella mia

Лето, словно плавленый сырок,
На закуску к снежному похмелью.
Bella mia, мы тут озверели
От жары и холода не в срок.

По такой погоде пить да спать,
Все надеясь обмануть природу.
Bella mia, все мне непогода,
Если не могу тебя обнять.

Этой суетой меня мутит,
Как беременную на начале срока.
Bella mia, как же одиноко
В этом сонме падчериц Лилит.

Я ни трезвости, ни снов здесь не хочу.
Без тебя трезветь и спать противно.
Bella mia, все декоративно,
Что другим, напившись, я шепчу.

В конце тоннеля нет никакого света...

В конце тоннеля нет никакого света.
Это просто несется на нас обезумевший поезд.
А света там нет. Его, в принципе, нету.
И я об этом больше не беспокоюсь.

В конце концов, пока что-то брезжит,
Еще раздаются крики, мол, "будем добрее".
И, может быть, крик кого-то удержит
В полном неведении, жалея.

А я за жалость... К собакам и детям.
У них ведь хозяева и родители (чаще с придурью).
Но им удастся радоваться всему на свете.
Среди родителей и хозяев такого не видано.

И вот пока нас в лепешку не раздавило,
Пусть будет как будет: без "доброты", но с жалостью.
В конечном счете, дружище, иллюзии – это мило.
И можно слегка успокоиться этой малостью.

Дни тлеют сигаретой на ветру...

Дни тают сигаретой на ветру,
Не сказанными вовремя словами.
Всем тем, что важное произошло не с нами.
Стлевают в пепел серый поутру.
Мерцают красным тусклым огоньком,
Как семафор в туманном предрассветье.
Так незаметно вырастают дети
Меж вспышками заботы не о том.
И тает-тает до окурка жизнь.
Родители стареют между делом.
Их дни слетают пеплом блекло-серым
Куда-то в непрозрачность, в сумрак, вниз.
И все уходит, словно светлый дым,
В коротких перекурах без желанья.
Тушу в окурке губ твоих касанье...
и пятый год травлюсь устало им.

Я пишу плохие стихи...

Я пишу плохие стихи
И совсем не пишу прозу.
Говорят, что долги за долги.
Говорят, что расплата за грезы.

Я вполне расплатилась. Вполне.
Тишиной доходящей до боли.
Я немая, глухая и мне,
Мне спокойно уже в этой роли.

Жизнь – макет. Жизнь всего лишь картон.
Жизнь обыденна до передоза.
И стихи мои – пепел и сор.
И не проза, а только лишь поза.

Осенняя ночь

Сегодня ветрено до стона проводов,
И сна в зените ночи не найду.
Я в городе неразводных мостов
Пью кофе и терзаю пустоту.

Ночь ничего не хочет объяснять,
Влетая ветром в темное окно.
Холодный кофе не допит опять.
Мне одиноко, тихо и тепло.

Бессонница аукнется с утра
Тяжелой, как с похмелья, головой.
осенний ветер, палая листва.
И жизнь наполненная ветром и листвой.

Тихо

Тихо настолько, что слышно как дождь
Капля за каплей стучится о душу.
Ты меня помнишь, ты меня ждешь
Лучшей, чем есть я, будущей лучшей.

Тихо настолько, что, кажется, мир
Встал на минуту, забыв о движении.
Звездное небо похоже на тир,
Если стоишь далеко от мишеней.

Тихо настолько, что можно вдохнуть
Влагу покоя и лед отстраненья.
Мир, покачнувшись, отправится в путь
Безостановочно... Через мгновенье.

Сердечное

Мне, пожалуйста, что-нибудь, чтобы счистить накипь
С проносившегося до дыр сердца.
Столько лет. Я уже не могу плакать.
Даже от лука, даже от перца.

Я уже не могу говорить о нем,
Надеясь порвать в лоскуты душу.
Я уже не хочу молчать ни о чем,
Что ему не стоило б слушать.

Дайте мне что-нибудь от воспаления
Непонятной этиологии.
Что-нибудь, чтобы все объяснения вымылись,
Как слова и слоги.

Дайте мне яду, транквилизаторов, снотворного.
Лошадиную дозу.
Чтобы больше не чувствовать около
Воспаленного сердца занозу...

Имени из семи обласканных букв.

Мой милый

Слова скользили по губам, лишая чувства сложной сути.
Я обращалась, Милый, к Вам, прося: "Останьтесь! Будьте!

Будьте!"

Вы оставались, чуть горча усталостью небрежных жестов,
И снисходили до меня. И было мне шампански-лестно.

Вы говорили мне: "Малыш..." – и нежно гладили, не глядя.

И было все – и стон, и тишь. и яд, и вязкость послеядья.

Вы уходили так легко, что смысл прощания терялся.
Мой милый, я простила то, чем ты мне был и чем остался.

Обыденности

Начнем... С обыденности утренних рассветов,
С привычной дорассветной чашки кофе.
С обыденности весен, зим и лета.
С обыденности: "Как дела?" – "неплохо".

Начнем... С привычности дорог от дома
И постоянства тех, что мимо храма.
С привычности всего, что нам знакомо.
С обычности звучанья слова "мама".

Начнем писать короткими мазками,
Словами скрошенными до потери мысли
Всю хрупкость, все бесчисленные грани
Неповторимой, необычной жизни.

У Леты своя обреченность течь мерно и вечно...

У Леты своя обреченность:течь мерно и вечно,
Смывая следы, заходящих в нее, без труда.
И все, что так дорого и до конца человечно
И все, что безжизненно, смоем из Леты вода.

И я далека, как мне мнится, от кромки прибрежной.
И мне все еще интересна вокруг суета.
Но время придет и волною своей неизбежно
От всех моих суетных дел не оставит следа.

Мне кажется, будто моих маяты и метаний
Не смогут забыть еще годы и даже века.
Но если господь меня любит, то жар мой и пламень
Пусть Лета затушит за мной, не оставив следа.

Я ухожу от многих обобщений

Я ухожу от многих обобщений,
Наверное, взрослею потихоньку.
Все меньше верю ценности прощений,
Все чаще чувствую усталость и тревогу.

Мечты сбываются все реже и бледнее,
И что-то никогда не совершится.
И очевиднее все то, что я умею,
И все, чему уже не научиться.

И все неплохо, и живет надежда,
И будущее близкое прозрачно.
Но снятся сны тактильные как прежде,
И листья по утрам росую плачут.

На каждого свой судия

На каждого судию находится судия.

Такой же как на тебя отыщется на меня.

И если их слушать всех, то правды не отыскать.

И стоит всего лишь жить, и может быть, стоит ждать.

У вольных и у рабов один и недолгий век.

И вольный суть божья тварь, и раб до конца человек.

А значит болит равно, а значит и смерть равна.

И будет свой судия на вольного и раба.

Небо болеет весенними острыми грозами...

Небо болеет весенними острыми грозами,
Будто бы кто-то с небес оглашает судьбу.
Все, что не рано всегда с ощущением "не поздно ли"?
Все, что не к радости с мутью "а вдруг на беду"?

Моется небо холодными крупными каплями,
Брызжа ветрами на серый тоскливый асфальт.
Все, что не вовремя дальше со вкусом "навряд ли мы"
Все, что не тишь превращается мысленно в гвалт.

Я утишаю себя фиолетовой тучей,
Майскими грозами, шумом рожденной листвы.
Я принимаю тебя, не родившимся лучшим,
Тем, что во мне преломилось под именем "ты".

И молчал, заслушавшись, человек

Перешептывались деревья под дождем.

Все о чем-то призрачном. О своем.

Щебетали птицы в рассвете дня,

Ничего от слышащих не тая.

Легкий ветер сказки далеких стран

Растерял на крышах и по углам.

Начинался день, время ткало век.

И молчал, заслушавшись, человек

А небо меняло цвета, не меняя значенья...

А небо меняло цвета, не меняя значенья.
И всем предлагало смотреть и в конце засмотреться.
И всем обещало разбить свое хрупкое сердце.
И всем говорило о пользе дождя и сомненья.

И небо ласкалось к земле, словно нежная кошка.
И ей обещало себя, не спеша отдаваться.
И небо стремилось землей обрестись и начаться,
Как будто всерьез и как будто опять понарошку.

Но небо держало меня на раскрытых ладонях.
И звезды дарило, и тихо шептало расплату.
Я знала себя, и тебя, и все то, что когда-то
Меня оборвет над землей и на небо уронит.

Люди проходят мимо

Люди проходят мимо, верно и незаметно,
Словно чечеткой мерной время лушит часы.
Кто ты, вчерашний спутник? Где же твои приветы?
Мне остается память, мне остаются сны.

Люди проходят рядом, не задевая телом,
Не будоража душу, не занимая взгляд.
Вялое наблюденье стало привычным делом.
Без ожидания встречи тянется бледный ряд.

Люди идут невнятно, плавно сливаясь в толпы,
Словно весной снежинки небо крошит в ручей.
Где же ты мой попутчик, что залетел осколком
И, пролетев навывлет, сделал меня ничьей?

Из стихов вырастают...

Из стихов вырастают, как из башмаков и одежды,
Как из первой любви, как из честности, как из мечтаний.
Из стихов вырастают, пусть медленно, но неизбежно.
Повзрослев, мало пишут и редко запойно читают.

Из стихов вырастают, и я изросла потихоньку.
Стали строчек ряды констатацией вне ожидания.
Жизнь своим чередом отпускает минуты спокойно,
И стихи отступают, склоняясь пред силой молчанья.

Временное

Еще не осень, только легкий запах
Невысыхающей земли и зябкость утра.
Еще не вечер, лишь чуть больше знаков
Грядущих сумерек в окошке поминутно.
Еще не возраст, но его предвестье
В растрепанной ветрами шевелюре.
И можно замереть легко на месте
И грезить, что мы время обманули.

Я проживаю дни

Я проживаю дни, где хлеб и чай,
Где утро больший дар, чем день и вечер.
Я проживаю тихую печаль
Исхода лета и с тобой не встречи.

Я проживаю недостаток слов,
Избыток снов и пустоту молчаний.
Я проживаю день с его основ,
С туманом утра, с хлебом. С изначальем.

У жизни нет начала и конца...

У жизни нет начала и конца.
Неощутимость их на боль похожа.
Ты говоришь мне что-то неспроста,
И без желания мой сон тревожишь.

Тыходишь в дом. Ты закрываешь дверь.
Ты затмеваешь все без разрешенья.
Ты остаешься в "здесь", в "на миг", в "теперь".
В неповторенности средь мира повторенья.

Ты притаишься сонной тишиной,
Неощутимостью на боль похожей.
Моей к твоей прижавшейся щекой.
И осязаньем памяти на коже.

Осмысляемое

Приходит "возраст" на кошачьих лапах -
Все меньше детства остается с нами.
Ты чаще платишь, забывая плакать,
А время мерится не днями, а годами.

Родители стареют незаметно,
Как солнце движется по линии заката.
Все больше безответного ответно.
Все чаще вместо "в будущем" "когда-то".

Все проще любитя, все легче остываешь.
Все реже ждешь чудес, чуть меньше света.
Все чаще с ностальгией вспоминаешь,
Как в детстве пахла осень или лето.

И как-то привыкаешь жить на свете
Раскрашеном пастельными тонами,
Но ждут родители и подрастают дети,
Сравнимые с любыми чудесами.

Напыюсь до мутной темноты в глазах...

Напыюсь до мутной темноты в глазах,
До оупенья, до простых желаний.
И потону в другой, как в океане,
Чтобы опять тебя не видеть в снах.

Я наплету ей что-то о любви,
Об одиночестве, о красоте рассветов.
Любимая, опять жара и лето,
А значит осень где-то впереди.

И чтоб до листопада дотерпеть,
Дождаться рук и глаз твоих спокойных.
Я напиваюсь зло и непристойно,
Мечтая между делом умереть.

Но будет ночь, и будет темнота.
Чужие вздохи, кожа, дрожь желанья.
И ложь моя на пике ожидания.
И между нами, третей, пустота.

И дай мне бог не влюбиться в нее при встрече...

И дай мне бог не влюбиться в нее при встрече,
Если все-таки, когда-нибудь, чем черт не шутит, она слу-
чается.

Представим, просто представим, что будет вечер,
Киев, Москва, Париж, черт знает какая столица.
И будет бокал вина, коньяк или что там пьют незнакомцы.
И будет ее рука, держащая нежно стекло бокала.
И буду я. Впрочем я ли?.. И главное звезды.
Я не знаю нас без звезд и огней вокзала.

И я ей скажу: "Послушай. Мне черт знает сколько лет.
У меня два вагона долгов и сто тонн обязательств.
Но я люблю тебя, потому что ты лучше.
Ты лучшее из всех моих измен и предательств".
А еще я скажу: "Быть может, когда-нибудь.
В другой жизни. Мы встретимся ближе и раньше.
И не будет всей этой судьбы без правды,
Всей этой судьбы... без фальши".

Мне сказать, наверное, нечего...

Мне сказать, наверное, нечего,
А еще верней, просто некому.
Говорят, все временем лечится.
Человеку лишь человеково.

Но во мне болит, не кончается,
Притупляется чуть по времени.
И привычно маятно маяться
В ожидании облегчения.

А во мне сквозит, как в простреленной.
И саднит сковзно поздно вечером.
Что со мной? Сказать не сумею я,
Оттого сказать мне и нечего.

Предрасветное

Осень простужено сыплет холодным дождем
И задувает ознобно в запахнутый ворот.
Ежится улица, мой неустроенный дом.
Мокнет привычно ссутуленный зябнувший город.

Я докурю на балконе несказанность чувств,
Выплесну в дождь недопитую горькую нежность.
Я поняла, что почти ничего не боюсь.
И не держусь ни за жизнь, ни за день, ни за вечность.

Мутно горят фонари, презирая луну
Скрытую где-то за тучами сиплых рассветов.
Тихо спит дочь, доверяя волшебному сну,-
Главный вопрос на сто тысяч неглавных ответов.

Слова

Слова? Ну. что такое слова? Игра в бисер.
Одни и те же фигуры в иных сочетаниях.
Я бы хотела делиться воздухом, мыслью.
А у дается только словами в чужих молчаниях.
Я бы хотела думать ново и смело.
Знаешь, как думают разве смертельно больные.
Думать черным по белому. Синем на белом.
Видеть в словах земных, их сути земные.
Я бы еще хотела с тобой не расстаться.
Чтобы ты не узнал, как любовь уходит.
Как остаются слова о любви кляксой.
Как затирается смысл любви о невзгоды.
Я бы еще хотела капельку света
Выронить в сердце твое внезапной слезою.
Вот и остались слова. Вместо чувств и ответов.
Вот и простилось сердце неспешно с тобою.

Прощание

Ну вот и случилось прощание.

А я-то почти не верила.

Пишу без осадка и горечи.

Будь счастлив. Живи сто лет.

Спасибо за обнажение.

Спасибо за отчуждение.

Спасибо за все, что было,

Чего не вернуть назад.

Мы будем встречаться чаще.

Скучать от общенья друг с другом.

Пить кофе в новых кофейнях.

И много и розно молчать.

Мы будем совсем чужими,

Настолько, что я не мечтала.

Будь счастлив. Живи как раньше.

Целую. Устала ждать.

А ты меня полюби такой, как есть...

А ты меня полюби такой, как есть:
Раздерганной на цитаты, и особенно категоричной.
А ты меня полюби сейчас и здесь,
Такой, которой еще есть к чему стремиться.

А ты меня полюби совсем ни за что:
За то что я улыбаюсь ветрам на закате,
За то, что смеюсь легко и еще за то,
Что я так часто бываю не там и не кстати.

А ты меня полюби и чаще желей.
Я в сущности не такая уж гордая птица.
Ты знаешь, года проходят, и тем сложнее
Любить надолго, а не на час влюбиться.

Поношенную душу на крючок...

Поношенную душу на крючок
В прихожей вешаю к концу недели.
Ну до чего ж мне будни надоели,
Поймавшие меня опять в сачок.

Потрепанную совесть под порог,
Чтоб за два дня немножечко просохла.
Черт знает от чего, но как-то плохо,
Из-за мотания и слякотных дорог.

Усталость разверну, как старый плед,
Укутаюсь и отдышусь неспешно,
Я превращусь в себя еще, конечно,
Поскольку выбора другого просто нет.

Из ощущений

Я так люблю холодное вино
В тот час, когда седеет летний день.
И чтобы тихий блюз вползал под сердце.
И чтобы бархат ночи был нежней,
Чем кожа самой юной из любовниц.
И чтобы жизнь казалась только сном.
Кошмарным сном над ночью безмятежной.
И чтобы ты курил, вливаясь в ночь,
Со мной одну, как раньше, сигарету.

А стихи не пишутся...

А стихи не пишутся,
Хоть ты тресни.
Видно жизнь сложилась до основания.
Как дела? Не верится. но
Чудесно.
Без стенаний. вымороков, страдания.

А стихи не пишутся.
Это счастье?
То мещанско-верное, бытовое.
Я отчасти выросла.
Да. Отчасти.
Стала проще кажется. И собою.

А стихи не пишутся.
Так бывает.
Привыкать ли к жизни бесстишно-ясной?
Чай в огромной кружке
Не остывает.
И стихи молчат за душой бесстрастно.

Судьба? Кто придумал судьбу? И за что мне такую?

Судьба? Кто придумал судьбу? И за что мне такую?
Как дикая кошка на ветке прошедшего дня.
Ты любишь меня? А любил бы другу, простую?
Какой я бываю, какой ты не видел меня?
Любил бы усталой, какая я дома, при муже?
Любил допивающей чай, что остыл день назад?
Любил бы меня еще старше, большее и хуже?
Ты скажешь, любил бы. Но это, мой милый, навряд.
Ты молод. Ты юн. И мне страшно. что я знаю юных.
Всего ничего-то прожито. А ты уже юн.
И время играет мазурку на всех моих струнах.
И бал мой в разгаре, но много оборванных струн.
Уже очень много. Уже слишком много, быть может.
И тем-то и страшен мне взгляд твой и эти мечты.
И эта судьба. что не к сроку меня растревожит.
И ты. И страшнее всего – это ты.

Разговора с собой не получится

Разговора с собой не получится.

Это, право, немного печально.

Время крутится, крутится, крутится

По спирали, сползая отчаянно.

Посесть, постареть и осунуться.

Это будет, вполне очевидно.

А пожить до натянутой струнности,

А влюбиться не больно, а длинно?

А писать? А смотреть на рассветы,

Собирая в ладони туманы?

И любить осень больше, чем лето,

И не строить безумные планы.

И если писать стихи, то только сейчас...

И если писать стихи, то только сейчас,
За несколько суетных дней до нового года.
Ты знаешь, я перестала влюбляться в мужчин.
В женщин не перестала. Быть может, мода.

Я перестала ждать простых новостей.
И так очевидно, что празднуют и рожают.
Я поняла, что всегда любила детей.
Наверное, потому что дети нас обнажают.

И что не хочу ни славы, ни высоты.
Всех этих признаний своей правоты и знаний.
Еще я узнала, что очень люблю цветы.
Так просто. А мне их сто лет не дарят.

Я, кажется, стала счастливой так, что тошнит.
И этим паскудством навряд ли разумно делиться.
Ну вот. А тебя не чувствую. Не болит.
Да только ни с кем мне теперь и не говорится.

А я бы к тебе приехала. Через границу...

А я бы к тебе приехала. Через границу.
(И кто бы подумал, что будем о ней поминать).
Предложила бы побродить. а может быть, даже напиться.
За твою страну. За Сибирь. За обе наши столицы.
И стихи. Твои послушать. Свои почитать.

И не было бы о политике ни вздоха, ни слова,
Хотя без нее сейчас даже воздуха нет.
Я бы сказала, что у меня полвторого
Завтра уже самолет домой. И куплен билет.

И еще сказала бы, что так глупо
Провырнуться сквозь континент, чтоб услышать речь.
И если бы я могла, то взяла б твою руку
И шепотом попросила – всего лишь себя беречь.

А в городе снег, белым пухом летящий на землю...

А в городе снег, белым пухом летящий на землю,
Как будто бы боги подушки к зиме растрясют.
И серый наперник небес набивают плотнее,
Чтоб слаще до мая спалось без тревог и печалей.

И сыплется белое, легкое, мягкое с неба,
Цепляясь за ветки берез и кусты облепляя.
На сохлых будылях полыни обманкой цветенья
Сбиваются хлопья в "соцветья" предвестием зимним.

И есть в этом странном пиру увяданья
Такая холодная прелесть, что душу и глаз усмиряет.
И жизнь упрощается этим кружащимся снегом,
И графикой неба, и всей тишиной мирозданья.

Я курю подряд уже четвертую сигарету...

Я курю подряд уже четвертую сигарету.
Смотрю на тебя глазами усталого мужика "за тридцать".
И понимаю, что ни будущего, ни настоящего у нас нету.
И мне как всегда не в срок довелось влюбиться.

А у тебя такая длинная челка,
Что падает на глаза и ты ее скидываешь чуть нервно.
А у меня растет в основном не со мной девчонка,
Та, что теперь навсегда остается любовью первой.

Ты свободен. И это уже немало.
У тебя еще все впереди. Ты красивая птица.
Я курю. Я грею коньяк на дне бокала.
И немного жалею, что мне до конца не влюбиться.

Вытряхнуть рифмы, словно из шкафа...

Вытряхнуть рифмы, словно из шкафа
Долго неношенные наряды,
Перебирать их неловко и мерить,
Чтобы напомнили прошлые жизни.

Прошлые встречи, знакомых забытых,
Ссоры чудные и все размышленья.
Думать: не выкинуть ли без разбора,
Или оставить не детям так внукам.

Ну, а в итоге... небрежно засунуть
Ровно туда, где давненько пылятся
Старые ритмы, прежние чувства,
Прошлая память. И сердца частица.

Что мне тебе сказать через столько лет?..

Что мне тебе сказать через столько лет?
Здравствуй! Конечно, здравствуй, любимый, вечно.
Раньше казалось: времени вовсе нет,
Нынче понятно, насколько оно быстротечно.
Время во мне – сединою в коротких кудрях.
Время в тебе – скорбной складкой у губ горько-сладких.
Время – во всех без тебя перетикавших днях.
Время – в различиях наших уже невозвратных.
Время и в том, что уже я гляжу на тебя
И понимаю, что скоро сравнимся годами.
Времени нет только там, где как раньше, любя,
Я твою душу к своей в тишине прижимаю.

Очень хочется влюбиться, как тогда...

Очень хочется влюбиться, как тогда,
Когда ты еще бессонно молод.
Заглянув в глаза, увидеть омут
И не видеть больше берега.
Задыхаться от касанья рук,
Таять от всегда прекрасной речи,
Словно у иконы тают свечи,
Чувствуя, то радость то испуг.
Целовать или не знать совсем
Губ любимых пьяную мороку,
Быть готовой ждать к любому сроку
Из любых краев, постелей, стен.
Очень хочется, но больше не дает
Слишком взрослость, слишком отрезвление,
Дней сосчитанность и дел обремененье.
Прошлый опыт, хоть он и не в счет.

Все пройдет, все пройдет. Все утешится

Все пройдет, все пройдет. Все утешится.
В небе вызреют новые звезды.
Наша жизнь до того потешная,
Что уже ничто не серьезно.

Все пройдет, все пройдет. Все протается.
Зашуршит пьяной, сладкой сиренью.
Облака над душою сплетаются.
Тонкой, легкой канителью.

Все пройдет, все пройдет. Отболеется.
На рассвет поспешат наши дети.
И закружатся юной метелицей
Повторения многих столетий.

Дочери

И когда вечерами реву в подушку,
И когда устало Земфиру слушаю,
И когда убираю с пола игрушку,
И руку когда держу твою, и душу.

И думаю, как не упасть и не выронить,
И верю в твои любовь и прощение,
И зову тебя редко-редко по имени,
И знаю, что ты мое отпущение...

И целую на ночь, и обнимаю утром,
Знаешь, я тихо люблю тебя, каждоминутно...

Встреча...

И чувствовать тебя за своей спиной.
И ощущать себя у стены и за стеной...
И понимать, что этот странный покой
Мгновенен и невозвратен...

И вдыхать тепло твоих взглядов и легкость слов,
И мир создавать из этих первооснов,
И понимать, что это моя любовь
Смывает с души жизни накипь.

И в темноте низать на основу мысль,
И, чтобы раны снова не разошлись,
Твердить себе: "Он завтра совсем уйдет" ...
И не искать в этой правде прежнюю боль и горечь...

Противостояние

А позади черта. И если заступишь – смерть.
А впереди твой враг, злая стальная твердь.
Вокруг толпа и бардак. И тут защитников нет.
И ближе, все ближе враг. Бой или побег?
И этот не нужен мир, если не устоять.
И воин всегда один, а наблюдателей рать.
И за чертой никого. И за спиной черта.
И воин в поле один... И это его война...

Я желаю счастья и добра...

Я люблю тебя Это значит – Я желаю тебе добра... В. Тушнова

И сметая морщинки у глаз,
И с висков сдувая седину,
Я желаю счастья столько раз,
Сколько тебе нужно самому.
Я желаю счастья как прибой.
Я желаю счастья как рассвет.
Я желаю счастья с той, другой,
Если без нее и счастья нет.
И оттаивая седину с виска,
Усмиряя жилки нервный стрим...
Я желаю счастья и добра,
Потому что мною ты любим.

И сердце мое теперь совершенно спокойно под твоей

И сердце мое теперь совершенно спокойно под твоей ладонью.

Так долго. Оно отболело и больше уже не стонет.

И то, что ты называешь мудростью – просто шрамы.
Просто шрамы, в которые превратились годы и раны.

И нет, уже не болит. Даже если ты рядом.

Даже когда смотришь знакомым, таким испытующим,
взглядом.

И жизнь отдать не хочется. И даже вечер.

И сердце не рвется в ребра от радости встречи.

Ну что же.. Вот я и выросла. Мы похожи.

И равнодушное сердце стучит, не сбиваясь, под кожей...

И все, что мне нужно...

И все, что у нас остается -
светлый локон под моей щекой,
Тонкие пальцы, накрывшие темный висок.
И я понимаю,
что ты уже не о со мной
Новая жизнь. Продолжен с другой диалог.
И все, что мне остается -
исчезать,
Оставив тебе на память расколотые мечты.
И слушать в эфире -
опять, опять, опять:
Как же умеешь быть беспощадна ты.
И все, что мне остается -
молчать “прости”,
Когда ты проходишь мимо, рядом, а будто в снах.
И сердце вслед за тобою -
Не отпусти.
Оно и сейчас безраздельно в твоих руках.

И если однажды солнце захочет вернуться вспять,
Все что мне нужно – виском на твоём плече. И молчать.

Когда прошлых нас нам осталось совсем чуть-чуть...

Когда прошлых нас нам осталось совсем чуть-чуть:
Зачерпнуть чайной ложкой со дна опустевшей души.
Когда путь до совместности – больше уже не путь,
А всего лишь попытка возврата к "дыши – не дыши".
Когда смеха и боли уже не "писят на писят",
А скорей девяносто к неверным за ним десяти.
Когда близость точнее описана словом "брат",
Чем прекрасным и юным "мужчина моей мечты".

И при этом при всем, прикасаясь рукой к руке,
Не имея в виду ничего, не желая продлить.
Я тянулась как прежде всем сердцем и кожей к тебе,
Выплетая из общностей нам путеводную нить.